

СЕРИЯЛ ПРОДОЛЖА

МАРША СЕЗ
МАРША

Светлана Дроздова

Игра без правил

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Игра без правил / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Программист Алекс, застрявший в рутине московской однушки, засыпает во время просмотра «Игры престолов» и просыпается в теле слуги Тома в Винтерфелле. Он знает будущее: Мизинец плетет интриги, Ланнистеры готовят переворот, а Нед Старк едет на плаху. Но знание сюжета не дает власти. Когда Алекс пытается предупредить Неда о заговоре, лорд Винтерфелла считает его сумасшедшим. Попытка спасти Брана от падения с башни оборачивается трагедией. Поняв, что слова бесполезны, герой начинает играть по жестоким правилам Вестероса: он подделывает улики, подкупает стражу и плетет собственные интриги в тени Красного замка. Это история о столкновении логики XXI века и суровой чести средневековья, где даже знающий финал зритель может стать лишь разменной фигурой в чужой игре.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Игра без правил

Глава 1. Последний просмотр

I

Пятница, 19:47. Алекс закрыл ноутбук крышкой — аккуратно, почти ритуально, — и откинулся в кресле, чувствуя, как с плеч медленно сползает вся неделя. Сорок два часа за четыре дня. Четыре созвона с заказчиком, три из которых можно было уложить в одно письмо. Ревью кода, которое превратилось в ревью чужого самолюбия. И финальный дедлайн, сдвинутый «ну буквально на денёк» — разумеется, в сторону увеличения.

Он потянулся, хрустнув шеей, и обвёл взглядом квартиру.

Студия на восемнадцатом этаже, в спальном районе на юго-западе Москвы. Окна во всю стену — единственная роскошь, которую он себе позволил, когда брал ипотеку. За окном уже темнело; сентябрь в этом году выдался ранний, холодный, с тем самым промозглым ветром, который пробирается под куртку и напоминает, что зима будет долгой.

Квартира выглядела так, как выглядит жилище тридцатилетнего мужчины, который умеет готовить, но давно перестал это делать для кого-то, кроме себя. Стол у окна — три монитора, механическая клавиатура с подсветкой, кружка с остывшим кофе двухдневной давности. Диван, на котором он спал чаще, чем в кровати. Стеллаж с книгами, где техническая литература соседствовала с потрёпанными томами «Песни Льда и Пламени» — русское издание, купленное ещё в универе, с заломанами на корешках. И кресло. Старое, продавленное, с пятном от кофе на подлокотнике — подарок от родителей на двадцатипятилетие, которое он упорно не хотел менять.

На кухонном столе лежал телефон. На экране — три пропущенных от мамы и одно сообщение: «Сынок, ты поел? Позвони, как сможешь. Папа спрашивает про твою машину». Он посмотрел на сообщение, вздохнул и убрал телефон в карман. Позвонит. Завтра. Или в воскресенье. Мама привыкла.

Сегодня пятница. Пятница — его вечер.

Ритуал был неизменным последние лет семь. Заказ пиццы — обязательно с беконом и двойным сыром, обязательно из той самой пиццерии у метро, которая закрылась в прошлом году, и он до сих пор не нашёл замену. Банка колы — не диетической, потому что диетическая — это обман. Плед — шерстяной, серый, с катышками. И сериал.

Не любой сериал. Тот самый.

Алекс открыл приложение доставки, пролистал меню, выбрал пиццу, добавил колу, нажал «заказать». Приложение сообщило: тридцать пять минут. Он кивнул сам себе — успеет подготовиться.

Подготовиться означало: включить второй монитор, открыть браузер, зайти на форум. Не в тот, где спорят о политике и ругаются матом. В другой — тихий, узкий, с тремя сотнями активных пользователей, где обсуждают теории, пишут фанфики и спорят о том, кто на самом деле убил Джоффри. Алекс заходил туда каждый день. Иногда — просто читал. Иногда — писал сам. Сегодня он хотел просто полистать.

На главной висела свежая тема: «А что если бы вы попали в Вестерос?» Восемьдесят два ответа. Алекс открыл.

Первый комментарий: «Сдох бы в первую же ночь, как все». Второй: «Зависит от точки попадания». Третий, длинный, от пользователя с ником Maester_Qyburn: «Главная ошибка всех попаданцев — они думают, что знание сюжета = контроль. А это не так. Мир живой. Люди не читают сценарий. Одно неверное слово — и ты уже не спасаешь Неда, а объясняешь Псу, почему у тебя странный акцент».

Алекс усмехнулся. Умный ник. Он прокрутил дальше, но мысль зацепила.

Он закрыл форум и открыл плеер.

На экране появилась заставка — та самая, с механической картой Вестероса, где солнце встаёт над Дозором и садится за Пиком Радости. Музыка Рамина Джавади — тяжёлые струны, низкий гул, ощущение чего-то огромного и древнего. Алекс знал эту заставку наизусть. Он мог бы напеть её по нотам. Он смотрел её сотни раз.

Сегодня он собирался пересмотреть восьмой сезон.

Не потому, что хотел. Потому что «для полноты картины». Он пересматривал сериал целиком раз в год, начиная с первого сезона, и каждый раз добирался до финала — и каждый раз это было как заходить в холодную воду. Сначала медленно, по щиколотку. Потом — с головой.

Алекс нажал «продолжить». На экране появилась сцена: Винтерфелл, снег, серые стены, люди в тяжёлых шубах. Он откинулся в кресле, натянул плед до подбородка и приготовился страдать.

II

Пицца приехала через двадцать восемь минут. Курьер — парень лет двадцати в жёлтой куртке, с наушником в ухе — вручил коробку, буркнул «спасибо за заказ» и ушёл, оставив после себя запах мокрого асфальта и чужого дезодоранта.

Алекс закрыл дверь, поставил коробку на журнальный столик, открыл колу — щелчок, шипение, первый глоток. Холодная, сладкая, с привкусом жестяной банки. Идеально.

На экране шёл второй эпизод. Джон Сноу — уже не Сноу, а Эйгон Таргариен, хотя сам он об этом ещё не знает — стоял на стене Винтерфелла и смотрел вдаль. Дейенерис — с распущенными волосами, в белом пальто — говорила о том, что Север должен её признать. Санса

— с плотно сжатыми губами — смотрела на неё, как на врага. Арья — где-то в тених, с лицом, которое ничего не выражало.

Алекс жевал пищу и комментировал вслух. Это была привычка, которую он приобрёл ещё в общаге, когда смотрел сериалы с соседями, и от которой так и не избавился, оставшись один. Иногда он даже отвечал сам себе разными голосами. Жена бы сказала, что это странно. Но жены не было.

— Ну вот зачем, — сказал он с набитым ртом, глядя, как Дейенерис требует, чтобы Джон склонил колено. — Ты же знаешь, что он не склонится. Он же северянин. Они все упрямые, как... как северяне.

Он сделал глоток колы.

— И вот тут начинается проблема, — продолжил он, обращаясь к экрану. — Ты пришла на Север, где люди умирали от холода и голода, чтобы ты их защитила. Они тебе не доверяют, потому что ты — чужая. И вместо того чтобы... не знаю... помочь им восстановить Винтерфелл, ты требуешь, чтобы они признали тебя королевой. Гениально. Просто гениально.

Он поморщился. Восьмой сезон был для него как старая рана, которая ноет перед дождём. Он знал, что будет дальше. Знал, что Дейенерис сожжёт Королевскую Гавань. Знал, что Джон её убьёт. Знал, что Бран станет королём, а Тирион — десницей. Знал, что всё это будет скомкано, снято в спешке, с диалогами, которые писались, кажется, на коленке.

Но он всё равно смотрел.

Потому что где-то между всеми этими разочарованиями были моменты, которые он любил. Сцена, где Санса говорит с Псом на пиру. Сцена, где Джейме посвящает Бриенну в рыцари — и она плачет, впервые за восемь сезонов. Сцена, где Теон возвращается в Винтерфелл и говорит: «Я хочу сражаться за вас». Эти моменты были как островки в море разочарования. Алекс держался за них.

Он доел пищу, отставил коробку, вытер руки салфеткой. На экране шла сцена в крипте — Арья и Джендри, потом Арья и Пёс, потом... он уже не следил. Мысли дрейфовали.

Он открыл второй монитор и зашёл на форум. Тема про попаданцев разрослась до ста двадцати ответов. Он пролистал.

«Если бы я попал в Вестерос, я бы сразу пошёл к Старкам. Они единственные нормальные».

«Старки — это семья, которая гордо несёт свою честь до первой серьёзной проблемы. Нед — классический пример».

«Нед — не наивный. Он просто честный. А честность в Вестеросе — это оружие, которое бьёт по тебе же».

Алекс остановился на последнем комментарии. Он был от того же Maester_Qyburn. И под ним — ещё один, от него же: «Если бы я мог спасти одного персонажа, я бы спас Неда.

Не потому, что он лучший. А потому, что его смерть — это точка, после которой всё пошло не туда».

Алекс откинулся в кресле. Эта мысль была ему близка.

Нед Старк. Лорд Винтерфелла. Десница короля. Человек, который нашёл в снегу волчат и раздал их своим детям. Человек, который сказал: «Всё, что говорит человек перед смертью, имеет значение». Человек, который мог бы жить долго и счастливо, если бы не поехал в Королевскую Гавань.

Алекс помнил, как смотрел первый сезон. Ему было двадцать. Он сидел в общежитии с другом — Димой, который потом уехал в Питер и перестал отвечать на звонки, — и они спорили о том, кто сядет на Железный трон. Дима ставил на Дейенерис. Алекс — на Джона. Оба ошиблись.

А когда Неда казнили — в конце девятого эпизода, на ступенях Бейлора, под крики толпы и взгляд Арьи, — Алекс помнит, как в комнате стало тихо. Дима сказал: «Ну и зачем?» Алекс ничего не сказал. Он просто смотрел, как голова Неда падает на камни, и чувствовал, что что-то сломалось. Не в сериале. В нём самом.

С тех пор прошло десять лет. Он пересматривал этот эпизод раз пять. И каждый раз думал: а что если бы кто-то предупредил Неда? Что если бы он не пошёл к Серсее? Что если бы он доверился Мизинцу — хотя бы на время? Что если бы он отправил письмо Станнису раньше?

Он сформулировал это вслух. Не в первый раз.

— Так, — сказал он, глядя на экран, где уже шли титры третьего эпизода. — План спасения Неда Старка. Версия... какая у меня уже? Седьмая?

Он потянулся к блокноту, который лежал на столе — старый, с пружиной, с пожелтевшими страницами. На последней странице был список, написанный его почерком. Он пролистал.

«План №1. Сказать Неду, что Джоффри — не сын Роберта. Пусть едет к Станнису».

«План №2. Украсть письмо Лизы Аррен. Показать Неду. Пусть знает, что Аррен был отравлен».

«План №3. Убить Мизинца. (Проблема: как? Я не воин. Проблема: последствия?)»

«План №4. Не пускать Неда в Королевскую Гавань. Вообще. Пусть остаётся в Винтерфелле».

Он усмехнулся. Каждый план был хорош на бумаге и бесполезен в реальности. Потому что реальность — это не бумага. Это люди. Это Мизинец, который всегда на шаг впереди. Это Серсея, которая пойдёт на всё. Это Джоффри, который — просто псих. Это Варис, у которого свои планы. Это сам Нед, который не станет слушать незнакомца с «странным акцентом».

Алекс закрыл блокнот и отложил его.

— Ладно, — сказал он. — Версия восьмая. Уже неважно. Я всё равно туда не попаду.

Он сделал ещё глоток колы. На экране начался четвёртый эпизод — «Последний из Старков». Тот самый, где Дейенерис сжигает Тарли. Тот самый, где Джейме остаётся. Тот самый, где всё начинает катиться под откос.

Алекс вздохнул.

III

Время шло. За окном стемнело окончательно; город зажёгся тысячами огней — жёлтых, белых, красных, — и в их свете комната казалась островом в море тьмы. Алекс смотрел на экран, но всё меньше вникал в происходящее. Мысли текли медленно, как река в конце зимы.

Он думал о том, что сериал закончился три года назад. Три года — а он всё ещё пересматривает. Три года — а он всё ещё спорит на форумах о том, как «надо было». Три года — а он всё ещё один.

Не то чтобы он был несчастен. У него была работа, которая платила достаточно, чтобы покрывать ипотеку и покупать пиццу по пятницам. Были друзья — не Дима, но другие, с работы, с которыми можно было выпить пива раз в месяц. Была мама, которая звонила каждые два дня и спрашивала, не встретил ли он кого-нибудь. Была машина — старая, но на ходу. Была жизнь.

Но иногда, поздно ночью, когда город затихал, а экран мерцал в темноте, он чувствовал, что чего-то не хватает. Чего-то важного. Чего-то, что было у Неда Старка — и чего не было у него.

Чести? Нет, это слишком пафосно. Он не рыцарь.

Смысла? Может быть.

Он думал о том, что в Вестеросе всё было просто. Там были хорошие и плохие. Там были Старки — честные, упрямые, верные. Там были Ланнистеры — богатые, жестокие, умные. Там были Таргариены — безумные, великие, опасные. Там была стена, за которой жили зомби. Там был конец света, и его можно было остановить.

А здесь? Здесь был код, который не компилировался. Здесь был заказчик, который не понимал, чего хочет. Здесь была мама, которая хотела внуков. Здесь был он — тридцать лет, один, с пледами и пиццей по пятницам.

Алекс потряс головой. Слишком глубоко. Он не любил копаться в себе. Это было непродуктивно.

Он переключил внимание на экран. Шёл пятый эпизод — «Колокола». Тот самый, где Дейенерис сжигает Королевскую Гавань. Тот самый, где всё рушится.

Он смотрел, как дракон летит над городом, как рушатся дома, как люди кричат и бегут. Смотрел, как Джон понимает, что происходит что-то ужасное. Смотрел, как Арья — впервые за долгое время — выглядит испуганной.

И думал: а ведь это можно было предотвратить. Не всё. Но многое.

Если бы Нед не умер — не было бы Войны Пяти Королей. Не было бы Красной Свадьбы. Не было бы всего этого. Может быть, Дейенерис не сошла бы с ума. Может быть, Джон не был бы убит. Может быть, всё было бы иначе.

Он знал, что это не так. Он знал, что смерть Неда была не причиной, а симптомом. Но в глубине души, где жил двадцатилетний парень, который смотрел первый сезон в общаге, он верил: если бы Нед выжил, всё было бы по-другому.

Он закрыл глаза на секунду.

— Пункт первый, — сказал он тихо. — Не доверять Мизинцу. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Он открыл глаза. На экране горел город.

— Пункт второй, — продолжил он. — Не идти к Серсее. Вообще. Никаких «я дам тебе шанс». Она не заслуживает шанса. Она — угроза.

Он сделал глоток колы. Банка была почти пустой.

— Пункт третий. Написать Станнису. Сразу. Как только узнал про бастардов. Не ждать. Не надеяться, что всё образуется. Просто написать.

Он усмехнулся. Легко сказать. А как ты напишешь Станнису? Голубем? Или через Вариса, который сам не дурак поиграть в игры?

— Пункт четвёртый, — сказал он. — Не доверять Пицелю. Этот старик — либо идиот, либо предатель. Скорее второе.

Он отставил банку. На экране Дейенерис стояла на стене, смотрела на горящий город, и на её лице было что-то, что Алекс не мог описать. Не безумие. Что-то хуже.

Он выключил звук.

В комнате стало тихо. Только гул холодильника, шум ветра за окном и далёкий сигнал машины.

Алекс откинулся в кресле и закрыл глаза. Он устал. Не физически — хотя и физически тоже, — а как-то иначе. Устал от мыслей. От планов, которые никогда не осуществляются. От чувства, что он знает, как надо, — но ничего не может сделать.

Он думал о Неде. О его лице — суровом, честном, с этими глазами, которые видели слишком много и слишком мало. О его голосе — низком, спокойном. О его словах: «Человек может быть храбрым только тогда, когда ему есть что терять».

Нед потерял всё. И всё равно был храбрым.

Алекс не был храбрым. Он был просто одиноким инженером, который пересматривал сериал по пятницам и писал в блокнот планы, которые никогда не сработают.

Он открыл глаза. На экране шли титры. Шестой эпизод закончился. Оставались седьмой и восьмой.

Он посмотрел на часы. 02:47.

— Ладно, — сказал он сам себе. — Ещё два эпизода. И спать.

Он нажал «продолжить».

IV

Седьмой эпизод был скучным. Алекс знал это. Все знали это. Даже те, кто защищал восьмой сезон, признавали: седьмой был скомканным. Персонажи телепортировались через континент. Логика уступала место зрелищности. Диалоги становились всё более... странными.

Он смотрел, как Джон и Дейенерис гуляют по Драконьему Камню, как Тирион смотрит на них с балкона, как Серсея пьёт вино и говорит о том, что у неё есть план. Смотрел, как Варис шепчет что-то на ухо кому-то, кто уже не помнит, кто он.

И думал о том, что вот здесь, в этом сезоне, всё и сломалось. Не в восьмом — в седьмом. Восьмой просто довёл до конца то, что началось здесь.

Он сделал глоток колы. Банка была пустой. Он поставил её на пол и потянулся за пледом.

На экране шла сцена: Джон и Дейенерис в пещере, факелы, наскальные рисунки, дети леса. Дейенерис говорит: «Я не могу иметь детей». Джон смотрит на неё. И в этом взгляде — что-то, что должно было быть любовью, но выглядело как усталость.

Алекс вздохнул.

— Вы оба не понимаете, — сказал он тихо. — Вы оба думаете, что боретесь за трон. А на самом деле вы боретесь за то, чтобы этот мир не закончился. И вы проигрываете.

Он закрыл глаза. Свет экрана мерцал сквозь веки — красный, белый, синий.

Он думал о том, что будет, когда сериал закончится. Он выключит ноутбук, ляжет на диван, и завтра — суббота — начнётся новый день. Он сходит в магазин, приготовит что-

нибудь, может быть, позвонит маме. А потом — снова понедельник. Снова работа. Снова созвоны и ревю.

И так — до следующей пятницы.

Он думал о том, что жизнь — это не сериал. В сериале есть сюжет. Есть цель. Есть финал. А в жизни — просто дни, которые складываются в недели, недели — в месяцы, месяцы — в годы. И ты не знаешь, что будет дальше. Ты просто живёшь.

Он открыл глаза. На экране шла сцена: Пёс и Арья на дороге. Пёс говорит: «Ты хотела отомстить. Ты получила то, что хотела». Арья смотрит на него. В её глазах — что-то, что не было там раньше.

Алекс смотрел на неё и думал: вот кто изменился. Вот кто вырос. Вот кто — несмотря на всё — стал лучше.

А он? Он изменился за эти десять лет?

Он стал старше. Стал циничнее. Стал лучше разбираться в коде и хуже — в людях. Он перестал верить в то, что мир можно изменить. Он перестал верить в то, что он сам может что-то изменить.

Он думал о том, что если бы он попал в Вестерос — по-настоящему попал, — он бы, наверное, умер в первую же неделю. Не от меча. От страха. От непонимания. От того, что этот мир — жестокий, грязный, холодный — не имел ничего общего с тем, что он видел на экране.

Но всё равно думал об этом. Потому что мечтать о том, что ты мог бы что-то изменить, — это легче, чем жить в мире, где ты ничего не меняешь.

Он вздохнул и закрыл глаза.

Свет экрана мерцал. Голоса персонажей сливались в шум. Плед был тёплым. Кресло — мягким. Усталость — тяжёлой.

Он не заметил, как начал засыпать.

V

Восьмой эпизод начался без него. Алекс уже спал — или почти спал, — когда на экране появились титры. Он не видел, как Джон убивает Дейенерис. Не видел, как Дрогог уносит её тело. Не видел, как Бран становится королём, а Тирион — десницей. Не видел, как Санса коронует себя Королевой Севера, как Арья уплывает на запад, как Джон уходит за Стену.

Он спал, и ему снилось что-то, что он не мог вспомнить потом. Что-то о снеге, о волках, о холодном ветре, который пахнет дымом и железом.

В комнате было тихо. Только гул холодильника, шум ветра за окном и тихое дыхание спящего человека.

Экран погас. Ноутбук перешёл в спящий режим. Титры закончились.

Алекс спал в кресле, укрытый пледом, с пустой банкой колы на полу и блокнотом на столе. За окном город светился тысячами огней. Где-то далеко — в другом мире, в другом времени — Нед Старк ехал в Королевскую Гавань, не зная, что его ждёт.

И Алекс, спящий в кресле, не знал, что его ждёт.

Он не знал, что через несколько часов проснётся не в своей квартире. Не в Москве. Не в двадцать первом веке.

Он не знал, что его план — версия восьмая — не сработает. Не потому, что он был плохим. А потому, что мир — живой. Потому что люди — не персонажи. Потому что одно неверное слово может изменить всё.

Он не знал, что скоро узнает.

VI

Алекс проснулся от холода.

Не от будильника — будильник он не ставил на выходные. Не от шума — в квартире было тихо. От холода. Ледяного, пронизывающего, который пробрался под плед и вцепился в плечи, в ноги, в лицо.

Он открыл глаза.

Потолок был не его. Вместо привычной белой штукатурки с пятном от протечки — тёмные деревянные балки, покрытые копотью. Вместо люстры — железный фонарь, в котором горела свеча. Вместо окон во всю стену — узкие бойницы, за которыми была только тьма.

Алекс моргнул. Потом ещё раз. Потом зажмурился и открыл снова.

Ничего не изменилось.

Он лежал не в кресле. Он лежал на чём-то твёрдом — на досках, накрытых грубой тканью. Плед, который был на нём, был не его пледом — серым, с катышками, — а тяжёлым, шерстяным, пахнущим дымом и мокрой шерстью. Одежда на нём была не его одежда — не футболка и не тренировочные штаны, — а что-то плотное, тёмное, с высоким воротом.

Он сел. Медленно, осторожно, как будто боялся, что мир рассыплется, если он сделает резкое движение.

Комната была маленькой. Стены — из тёмного камня. Пол — из досок. У дальней стены — очаг, в котором тлели угли. На столе — свеча, кувшин, какая-то миска. На стене — меч. Настоящий меч. Не декоративный. С зазубринами на лезвии.

Алекс почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.

— Это сон, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло, незнакомо. — Это просто сон. Я сплю в кресле. Я смотрю сериал. Я...

Он замолчал.

За окном — за бойницей — что-то скрипнуло. Снег. Шаги. Чьи-то голоса.

Алекс поднялся. Ноги были ватными, но он заставил себя сделать шаг. Потом ещё один. Подошёл к бойнице и выглянул.

Снаружи был двор. Заснеженный, тёмный, освещённый факелами. Люди в тяжёлых шубах ходили туда-сюда. Кто-то тащил мешок. Кто-то вёл лошадь. Кто-то стоял у стены и смотрел в небо.

Алекс смотрел на них и чувствовал, как что-то внутри него сжимается.

Он узнал этот двор. Он видел его сотни раз. На экране.

Это был Винтерфелл.

— Нет, — сказал он тихо. — Нет, нет, нет.

Он отшатнулся от бойницы. Сердце колотилось. Руки дрожали.

— Это сон, — повторил он. — Это сон. Я сейчас проснусь. Я...

Он услышал шаги. За дверью. Тяжёлые, уверенные.

Дверь открылась.

На пороге стоял человек. Высокий, с суровым лицом, с тёмными волосами, тронутыми сединой. В тяжёлом плаще. С мечом на поясе.

Алекс узнал его сразу.

— Ты кто? — спросил человек. Голос был низкий, спокойный. — И как ты сюда попал?

Алекс открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

Он смотрел на Неда Старка — живого, настоящего, стоящего в дверях — и не мог сказать ни слова.

Потому что всё, что он планировал, все восемь версий плана, все умные мысли — всё это рассыпалось в прах.

Потому что мир был живым. Потому что люди были не персонажами. Потому что одно неверное слово — и всё изменится.

Алекс сделал вдох.

— Меня зовут Алекс, — сказал он. — И я... я здесь, чтобы помочь.

Нед Старк смотрел на него. В его глазах — серых, холодных, как северное небо, — не было ни страха, ни удивления. Только вопрос.

— Помочь? — переспросил он. — С чем?

Алекс посмотрел на него. На человека, которого он знал десять лет. На человека, которого он видел умирающим сотни раз. На человека, которого он хотел спасти.

И понял, что не знает, с чего начать.

— С Королевской Гаванью, — сказал он наконец. — С королём. С... всем.

Нед Старк молчал. Свеча мерцала. Ветер выл за окном.

А где-то далеко — в другом мире, в другом времени — пустая банка колы стояла на полу, а блокнот с планами лежал на столе. И никто не знал, что план номер восемь только что начал осуществляться.

VII

Нед не стал звать стражу. Это было первое, что Алекс отметил — и первое, что его удивило. Он ожидал, что его схватят, свяжут, бросят в подземелье. Вместо этого Нед вошёл в комнату, закрыл за собой дверь и сел на табурет у очага. Посмотрел на Алекса. Долго. Молча.

Алекс стоял у стены, не зная, куда деть руки. Сердце всё ещё колотилось, но паника отступала — медленно, неохотно, как отлив.

— Ты не из этих мест, — сказал Нед наконец. Это был не вопрос.

— Нет, — сказал Алекс. — Не из этих.

— Откуда?

Алекс открыл рот — и понял, что не знает, что сказать. «Из Москвы»? «Из двадцать первого века»? «Из мира, где ты — персонаж сериала, который я пересматриваю каждую пятницу»?

— Это... сложно, — сказал он. — Я сам не до конца понимаю.

Нед смотрел на него. Взгляд был тяжёлым, как камень.

— Ты появился в Винтерфелле прошлой ночью, — сказал он. — В коридоре, у комнаты моей дочери. Стража нашла тебя спящим на полу. Ты был в странной одежде. Ты не говорил на нашем языке — или говорил, но так, что тебя не понимали. Ты...

Он замолчал.

— Что? — спросил Алекс.

— Ты назвал меня по имени, — сказал Нед. — Во сне. Ты сказал: «Нед Старк не должен ехать в Королевскую Гавань».

Алекс почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Я... я говорил во сне?

— Ты говорил многое, — сказал Нед. — Ты говорил о короле Роберте. О королеве. О каком-то... Мизинце. Ты говорил о письме, которое должен был получить лорд Аррен. Ты говорил...

Он замолчал. Посмотрел на Алекса внимательнее.

— Ты говорил так, как будто знаешь будущее.

Алекс молчал. Он не знал, что сказать. Правда была слишком странной. Ложь — слишком опасной.

— Я знаю... некоторые вещи, — сказал он медленно. — Я не могу объяснить, откуда. Но я знаю, что произойдёт, если ты поедешь на юг. И я знаю, что это будет... плохо.

Нед не улыбнулся. Не нахмурился. Просто смотрел.

— Плохо, — повторил он. — Насколько плохо?

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Ты умрёшь, — сказал он. — Если поедешь в Королевскую Гавань, ты умрёшь. Тебя казнят. Твоя семья... твои дети... они будут страдать. Санса выйдет замуж за Джоффри. Арья будет прятаться. Робб... Робб пойдёт на войну. И всё, что ты построил, — всё рухнет.

Он замолчал. В комнате было тихо. Только треск углей в очаге и вой ветра за окном.

Нед смотрел на него. Долго. Очень долго.

— Ты говоришь, что знаешь будущее, — сказал он наконец. — Ты говоришь, что я умру. Ты говоришь, что моя семья будет страдать. Но ты не говоришь, откуда ты это знаешь. И почему я должен тебе верить.

Алекс опустил глаза.

— Ты не должен, — сказал он. — Я бы сам себе не поверил. Но я... я не знаю, как ещё это объяснить. Я знаю, что произойдёт. Я знаю, потому что... потому что видел. Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Он поднял глаза.

— И я знаю, как это остановить. Или... думаю, что знаю.

Нед молчал. Потом медленно кивнул.

— Говори, — сказал он. — Я слушаю.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

И начал говорить.

VIII

Он говорил час. Может, два. Он рассказал о Джоне Аррене — о том, как его отравили, и кто это сделал. О письме Лизы — о том, что в нём написано. О бастардах Роберта — о том, что Джоффри, Мирцелла и Томмен не его дети. О Мизинце — о том, что он предаст. О Серсее — о том, что она пойдёт на всё, чтобы сохранить власть. О Варисе — о том, что он не тот, кем кажется. О Пицеле — о том, что он либо глупец, либо предатель.

Он рассказал о Красной Свадьбе. О смерти Робба. О том, как Фрей и Болтон предадут Старков. О том, как Джоффри умрёт на собственной свадьбе. О том, как Серсея взорвёт септу. О том, как Дейенерис приплывёт в Вестерос с драконами. О том, как Север встретит армию мертвецов.

Он не рассказал всего. Он не сказал о том, что Джон — Таргариен. Не сказал о том, что Бран станет королём. Не сказал о том, что Дейенерис сожжёт Королевскую Гавань. Это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.

Нед слушал. Молча. Не перебивая. Его лицо не менялось — оставалось суровым, спокойным, как северное небо. Но в глазах — Алекс видел — что-то происходило. Что-то, что он не мог назвать.

Когда Алекс закончил, Нед долго молчал. Смотрел в очаг. Угли тлели, отбрасывая красные отсветы на его лицо.

— Ты говоришь, что Мизинец предаст, — сказал он наконец. — Но Мизинец — друг Кейтилин. Он помог нам в Винтерфелле. Он...

— Он любил твою жену, — сказал Алекс. — Всю жизнь. И он ненавидит тебя за то, что она выбрала тебя. Он не друг. Он игрок. И он играет, чтобы выиграть. Всегда.

Нед посмотрел на него.

— Ты говоришь это так, как будто знаешь его.

— Я знаю, на что он способен, — сказал Алекс. — Этого достаточно.

Нед снова замолчал. Потом медленно кивнул.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, ты говоришь правду. Допустим, я тебе верю. Что тогда? Что мне делать?

Алекс сделал вдох. Это был момент, к которому он готовился — мысленно, в блокноте, в восьми версиях плана. Но сейчас, глядя на живого Неда Старка, он понял, что все его планы были... теорией. А это была реальность.

— Во-первых, — сказал он. — Не ехать в Королевскую Гавань. Или... ехать, но не так. Не с семьёй. Не с девочками. Оставь их здесь. В Винтерфелле. Они будут в безопасности.

Нед нахмурился.

— Король Роберт — мой друг, — сказал он. — Он просил меня приехать. Он хочет, чтобы я стал его десницей.

— Король Роберт умрёт, — сказал Алекс. — Скоро. Он умрёт на охоте. И тогда всё изменится. Если ты будешь в Королевской Гавани, когда он умрёт, — ты будешь в ловушке. Серсея захватит власть. Джоффри станет королём. И ты...

Он замолчал.

— И я умру, — закончил Нед. — Ты это уже говорил.

— Да, — сказал Алекс. — Но ты можешь этого избежать. Ты можешь... подготовиться. Собрать союзников. Написать Станнису. Поговорить с Ренли. Сделать так, чтобы, когда Роберт умрёт, у тебя была поддержка.

Нед смотрел на него. В его глазах было что-то, чего Алекс не мог прочитать.

— Ты говоришь о предательстве, — сказал он тихо. — О заговоре против короля.

— Нет, — сказал Алекс. — Я говорю о выживании. О защите твоей семьи. О том, чтобы не дать Ланнистерам захватить трон.

Нед молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я не могу, — сказал он. — Я не могу строить заговоры. Я не могу предавать Роберта. Он мой друг. Он...

— Он умрёт, — сказал Алекс. — И ты не сможешь его спасти. Но ты можешь спасти себя. Своих детей. Свой дом.

Нед посмотрел на него. Долго. Очень долго.

— Ты говоришь, что знаешь будущее, — сказал он наконец. — Но ты не знаешь меня. Ты не знаешь, кто я. Я — Нед Старк. Я не предаю друзей. Я не строю заговоры. Я не...

Он замолчал. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел на двор, на снег, на факелы.

— Я не могу быть тем, кем ты хочешь меня видеть, — сказал он тихо. — Я не могу быть... другим.

Алекс смотрел на его спину. На широкие плечи, на тяжёлый плащ, на меч на поясе.

— Я не хочу, чтобы ты был другим, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты был живым.

Нед не обернулся.

— Иногда, — сказал он, — быть живым — это не самое главное.

Алекс закрыл глаза.

Он вспомнил слова Неда из сериала. «Человек может быть храбрым только тогда, когда ему есть что терять». И ещё: «Всё, что говорит человек перед смертью, имеет значение».

Нед был человеком чести. Это была его сила. И его слабость.

— Тогда позволь мне помочь, — сказал Алекс. — Позволь мне сделать то, что ты не можешь. Позволь мне быть... твоей тенью. Твоим... советником. Тем, кто сделает грязную работу, чтобы ты остался чистым.

Нед обернулся. Посмотрел на него.

— Ты предлагаешь мне стать... кем? — спросил он. — Тем, кто будет плести интриги за моей спиной?

— Я предлагаю тебе выжить, — сказал Алекс. — И сохранить свою семью. Любой ценой.

Нед смотрел на него. Молчал.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я тебя выслушаю. Но я не обещаю, что соглашусь.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

IX

Он не спал этой ночью. Лежал на досках, укрытый тяжёлым пледом, и смотрел в потолок. Балки были тёмными, покрытыми копотью. Где-то скрипела дверь. Где-то лаяла собака. Где-то — далеко — выл ветер.

Он думал о том, что произошло. О том, что он сказал. О том, что Нед — живой, настоящий — слушал его. Не прогнал. Не казнил. Слушал.

Он думал о том, что план — версия восьмая — не сработал. Не потому, что был плохим. А потому, что он был... неправильным. Он думал о Неде как о задаче. Как о персонаже. Как о человеке, которого можно спасти, если правильно расставить фигуры на доске.

Но Нед был не фигурой. Он был человеком. С принципами. С честью. С упрямством, которое было сильнее здравого смысла.

Алекс думал о том, что он сам — не герой. Он не воин. Не лорд. Не стратег. Он — инженер-программист из Москвы, который знает сюжет сериала и думает, что этого достаточно.

Но этого было недостаточно.

Он думал о том, что теперь ему придётся... делать. Не планировать. Не мечтать. Делать. Говорить с людьми. Убеждать. Врать. Может быть — убивать.

Он думал о том, что он не готов. Что он никогда не будет готов.

Но он был здесь. И Нед Старк был жив. И это было... началом.

Он закрыл глаза.

За окном — за бойницей — начинался рассвет. Серый, холодный, медленный. Снег падал с неба — крупный, мягкий, — и Винтерфелл просыпался.

Алекс не спал. Он думал о том, что будет дальше. О том, как он будет убеждать Неда. Как он будет говорить с Кейтилин. Как он будет смотреть в глаза Сансе, Арье, Роббу — людям, которых он знал как персонажей, но которые были живыми.

Он думал о том, что его действия изменят всё. Не так, как он планировал. Не так, как он хотел. А по-другому. Непредсказуемо. Опасно.

И он думал о том, что это — правильно.

Потому что мир был живым. Потому что люди были не персонажами. Потому что одно неверное слово — и всё изменится.

Алекс открыл глаза. Посмотрел на потолок. На балки. На копоть.

— Ладно, — сказал он тихо. — Начнём.

И встал.

Конец главы 1.

Глава 2. Королевский тракт

I

Алекс проснулся от того, что чуть не выпал из седла.

Это было первое, что он осознал — не мысль, не воспоминание, не страх, а чистое, животное чувство потери равновесия. Тело качнулось вправо, поводья выскользнули из онемевших пальцев, и мир накренился — снег, деревья, спина лошади, — прежде чем он судорожно вцепился в луку седла и выпрямился.

Сердце колотилось где-то в горле. Во рту был вкус железа и чего-то кислого. Руки — не его руки, он это понял сразу, но не успел испугаться, — были покрыты мозолями и грязью, а на правой ладони краснела свежая ссадина.

Он сидел на лошади. Настоящей, живой, тёплой лошади, которая мерно переставляла ноги по разбитой дороге, и вокруг него — вокруг, не на экране, — двигались люди. Много людей. Всадники в кольчугах, повозки, груженные сундуками и бочками, слуги в грубых шерстяных плащах, мальчишки, бегущие рядом с обозом. Над головой — серое небо, тяжёлое, низкое, и ветер, который пах снегом, дымом и лошадиным потом.

Алекс моргнул. Потом ещё раз. Потом зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли красные пятна, и открыл снова.

Ничего не изменилось.

Он всё ещё был на лошади. Всё ещё в караване. Всё ещё не в своей квартире на восемнадцатом этаже, не в кресле с продавленным подлокотником, не под серым пледом с катышками.

— Эй, Том! — раздался голос слева. — Ты чего, спишь на ходу? Держись крепче, а то свалишься, и лорд Бейлиш с тебя шкуру спустит.

Алекс повернул голову. Рядом ехал парень — рыжий, веснушчатый, лет восемнадцати, в таком же грубом плаще, как у Алекса. Он ухмылялся, но в глазах было что-то настороженное.

— Том? — переспросил Алекс. Голос прозвучал хрипло, незнакомо — выше, чем его собственный, моложе.

Парень прищурился.

— Ты чего? Заболел, что ли? — Он подался ближе. — Ты всю ночь ворочался, я слышал. Кричал чего-то. «Нед», «Королевская Гавань»... Ты что, напился вчера? Где ты вообще достал вино?

Алекс почувствовал, как холодеет спина. Он говорил во сне. Опять. Как тогда, в Винтерфелле — нет, не в Винтерфелле. Это было в главе, которую он планировал, которую он писал в блокноте. А на самом деле... на самом деле он был здесь. В караване. На лошади. В теле какого-то Тома.

— Голова болит, — сказал он, стараясь говорить как можно более неопределённо. — Плохо спал.

— Ага, — сказал рыжий, но взгляд не отвёл. — Смотри, Том. Если ты заболел — скажи. Лорд Бейлиш не любит, когда слуги падают с лошадей. Говорит, это «дурно сказывается на дисциплине».

Он засмеялся собственной шутке. Алекс кивнул, пытаясь не выдать панику.

Лорд Бейлиш. Мизинец. Он был здесь. В караване. И этот парень — Том — был его слугой. Оруженосцем. Кем-то. Кем-то, кто подчинялся Мизинцу.

Это было хуже, чем он думал.

II

Он не знал, сколько прошло времени — час, два. Он просто держался в седле, смотрел вперёд и пытался не сойти с ума.

Караван растянулся по дороге на добрую милю. Впереди — знамёна, золотой олень на чёрном поле, Баратеоны. За ними — повозки с королевским скарбом, слуги, повара, кузнецы, конюхи. Потом — свита королевы, Ланнистеры, красный лев на золотом. И где-то в середине — Алекс, на гнедой кобыле, в компании таких же, как он, мелких слуг и оруженосцев.

Он украдкой разглядывал людей. В сериале массовка была фоном — серые лица, одинаковые плащи. Здесь каждое лицо было живым. У одного слуги не хватало переднего зуба. У другого — шрам через бровь. Кто-то кашлял, кто-то ругался, кто-то пел под нос непристойную песню.

Алекс чувствовал себя как человек, который всю жизнь смотрел на аквариум снаружи, а потом вдруг оказался внутри. Вода была холодной и мокрой. Рыбы — не декоративными.

Впереди, метрах в пятидесяти, он видел огромную фигуру в рогатом шлеме. Роберт Баратеон. Король. Он ехал на чёрном жеребце, который казался неестественно большим, и смеялся — громко, раскатисто, — над чем-то, что говорил человек рядом с ним. Человек был в белом плаще. Джейме Ланнистер. Золотые волосы, уверенная осанка, меч на поясе. Он не смеялся. Улыбался — вежливо, отстранённо, как человек, который слышал эту шутку тысячу раз.

Алекс отвернулся. Слишком близко. Слишком опасно.

Он посмотрел на повозку, которая ехала чуть впереди. В ней, под балдахином, сидела женщина. Серсея. Золотые волосы, бледное лицо, прямой взгляд. Рядом с ней — мальчик. Джоффри. Светлые кудри, пухлые губы, скучающий вид. Он смотрел по сторонам с таким выражением, будто мир был недостаточно хорош для него.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в животе. Этот мальчик. Этот тринадцатилетний — или сколько ему там? — мальчишка. Он убьёт Неда. Он убьёт Сансу. Он убьёт всех, кто встанет у него на пути. И сейчас он просто едет в повозке, рядом с матерью, и скучает.

— Ты чего уставился? — рыжий парень снова оказался рядом. — На королеву засмотрелся? Все на неё засматриваются. Только зря. Она — Ланнистер. Они все — Ланнистеры. — Он сплюнул на дорогу. — Гордые, как павлины. И такие же глупые.

— А ты... — Алекс запнулся, не зная имени. — Как тебя зовут?

Парень уставился на него.

— Ты серьёзно? Ты забыл, как меня зовут? — Он засмеялся, но в смехе была нервозность. — Том, ты меня пугаешь. Я — Уилл. Мы вместе уже полгода. Ты что, правда не помнишь?

— Голова, — сказал Алекс, стараясь, чтобы голос звучал устало, а не испуганно. — Всё кружится. Я... я ударился вчера. Наверное.

— Ударился, — повторил Уилл скептически. — Где? На что?

— Не помню.

Уилл посмотрел на него. Долго. Потом покачал головой.

— Ладно. Ты странный сегодня, Том. Страннее обычного. — Он пришпорил лошадь. — Но если тебе станет хуже — скажи. Мне не нужен труп на дороге. Лорд Бейлиш нас обоих выпорет, если что.

Он уехал вперёд. Алекс остался один — насколько это было возможно в караване из сотни людей.

Он сжал поводья. Руки дрожали. Он посмотрел на них — чужие руки, чужие мозоли, чужие ссадины. Тело Тома. Девятнадцать лет. Оруженосец Мизинца. Мальчик, которого не было в сериале. Мальчик, который был никем.

— Отлично, — сказал он тихо, себе под нос. — Просто отлично.

III

К вечеру караван встал на привал.

Алекс не знал, как это произошло — он просто ехал, держался в седле, и вдруг впереди закричали, засвистели, и люди начали спешиваться. Он кое-как слез с лошади — ноги были ватными, спина затекла так, что он не мог разогнуться, — и передал поводья конюху. Конюх буркнул что-то неразборчивое и увёл кобылу.

Алекс стоял на обочине дороги, рядом с телегами, и не знал, куда идти. Что он должен делать? Как ведёт себя оруженосец на привале? Он понятия не имел.

— Эй, Том! — крикнул кто-то. — Помоги с котлами! Живо!

Он обернулся. В стороне от дороги, на поляне, разжигали костры. Женщины — или это были мужчины? — таскали воду, котлы, мешки с крупой. Пахло дымом и чем-то съестным.

Алекс пошёл на голос. Он не знал, что делать, но он мог хотя бы поднимать тяжёлое. Это было просто. Это было физически. Это было лучше, чем стоять и думать.

Он помогал таскать воду, дрова, котлы. Руки, чужие руки Тома, были сильными — сильнее, чем руки Алекса-программиста, который последний раз поднимал что-то тяжелее ноутбук, когда переезжал. Он удивился, как легко ему даётся физическая работа. Тело Тома знало, что делать. Мышцы помнили, даже если он сам — тот, кто был внутри, — не помнил.

Котел был тяжёлым, вода плескалась через край, обжигая пальцы. Алекс нёс его к огню и думал: вот она, реальность. Не эпические битвы, не драконы, не Железный трон. Котлы с водой. Дрова. Похлёбка.

— Ты новенький? — спросил кто-то рядом. Алекс поднял голову. Перед ним стоял пожилой мужчина с седой бородой и лицом, покрытым морщинами. Он держал в руках мешок с крупой и смотрел на Алекса с любопытством.

— Нет, — сказал Алекс. — Я... Том. Оруженосец лорда Бейлиша.

— Знаю, кто ты, — сказал мужчина. — Я — Холден. Я заведу кухню. Ты обычно не такой молчаливый. Что-то случилось?

Алекс покачал головой.

— Плохо спал. Голова болит.

Холден хмыкнул.

— В этом караване у всех голова болит, — сказал он. — Король пьёт, королева злится, Ланнистеры смотрят на всех как на дерьмо. А мы — просто варим похлёбку. — Он кивнул на котёл. — Оставь его здесь. Иди, поешь. Скоро все сядут.

Алекс кивнул. Он не хотел есть — желудок был сжат в узел, — но он знал, что должен. Тело Тома требовало еды. Он не мог позволить себе ослабеть.

Он взял миску — деревянную, грубо вырезанную, — и зачерпнул похлёбку из котла. Она была густой, серой, с кусками мяса и какими-то овощами. Пахла чесноком и дымом. Он сел у костра и начал есть.

Похлёбка была... нормальной. Не вкусной, не отвратительной. Просто еда. Он ел и смотрел на огонь, и постепенно паника, которая держала его весь день, начала отступать. Не исчезать — отступать. Как отлив.

Он здесь. Он в караване. Он — Том. У него есть тело, есть руки, есть ноги, есть имя. И у него есть время. Два дня — может, три — до Винтерфелла.

Два дня, чтобы придумать, как спасти Неда Старка.

IV

После ужина стало холоднее. Алекс сидел у костра, натянув на плечи плащ, и смотрел на людей вокруг.

Он учился. Это было единственное, что он мог делать. Учиться.

Караван был маленьким обществом — со своей иерархией, своими правилами, своими опасностями. Наверху — король и королева, Ланнистеры, рыцари королевской гвардии. Ниже — лорды и леди, которые ехали в Винтерфелл со своими свитами. Ещё ниже — рыцари помельче, оруженосцы, слуги. И на самом дне — те, кто таскал воду, чистил лошадей, копал отхожие ямы.

Алекс — Том — был где-то посередине. Оруженосец лорда Бейлиша. Это давало ему немного статуса, но не давало власти. Он не мог подойти к королю. Не мог подойти к Неду — Неда здесь ещё не было. Не мог даже подойти к Джейме, который был слишком высоко.

Но он мог наблюдать. И он мог слушать.

Он слушал, как слуги сплетничают о королеве. О том, что она «холодна, как лёд». О том, что король «спит с кем попало, а она терпит». О том, что принц Джоффри «весь в мать — такой же спесивый». О том, что принцесса Мирцелла «милая девочка, жалко её». О том, что принц Томмен «толстый и глупый, но безобидный».

Он слушал, как рыцари говорят о Неде Старке. О том, что он «человек чести». О том, что он «единственный, кто может сказать королю правду в лицо». О том, что он «не любит

юг и южан». О том, что он «не поедет в Королевскую Гавань — слишком уж он привязан к своему Северу».

Алекс слушал и запоминал. Это была информация. Не та, что в сериале — не сюжет, не диалоги, — а живая, грязная, человеческая. Слухи. Мнения. Предубеждения.

И постепенно он начал понимать: люди здесь не знали, что они персонажи. Они не знали, что через несколько месяцев Нед умрёт, что Робб пойдёт на войну, что Дейенерис приплывёт с драконами. Они жили своей жизнью — маленькой, повседневной, — и не думали о будущем.

Это было... странно. Освобождающе и пугающе одновременно.

— Ты чего такой тихий? — Уилл снова оказался рядом. Он сел на землю, протянул руки к огню. — Весь день молчишь. Обычно ты трещишь без умолку.

Алекс пожал плечами.

— Голова.

— Ага. Голова. — Уилл помолчал. Потом сказал тише: — Слушай, Том. Я знаю, что ты не хочешь говорить. Но... если что-то случилось — скажи. Мы же не просто так вместе полгода. Я тебя не выдам.

Алекс посмотрел на него. Рыжий парень с веснушками, с наивным лицом. Он был искренен. Он действительно хотел помочь.

И Алекс понял: он не может рассказать ему правду. Не потому, что Уилл не поверит — а потому, что если поверит, то подвергнет себя опасности. Знание — это оружие. Но оно же — и мишень.

— Всё нормально, — сказал он. — Правда. Просто... устал. Дорога.

Уилл кивнул, но в глазах осталось сомнение.

— Ладно, — сказал он. — Но если передумаешь — я здесь.

Он ушёл. Алекс смотрел ему вслед и думал: вот она, первая ниточка. Человек, который может стать союзником. Или — первым, кто заметит, что с Томом что-то не так.

V

Ночью Алекс не спал.

Он лежал на земле, укрытый плащом, и смотрел в небо. Звёзды были другие. Не те, что в Москве — не бледные, едва различимые за светом города, — а яркие, крупные, рассыпанные по чёрному небу, как соль на столе.

Он думал о доме. О квартире. О кресле. О блокноте с планами. О пище, которую он не доел. О маме, которая позвонит завтра — или послезавтра, — и он не ответит.

Он думал о том, что его никто не хватится. Ну, хватятся — на работе, через неделю, когда он не выйдет на созвон. Позвонят. Напишут. Может быть, даже придут. Но это будет через неделю. А он — здесь. В другом мире. В другом времени. В чужом теле.

Он думал о том, что если он умрёт здесь, то умрёт и там. И никто не узнает, что с ним случилось.

Он думал о Неде Старке. О человеке, которого он хотел спасти. О человеке, который даже не знал о его существовании. О человеке, который через несколько дней примет решение, которое его убьёт.

Он думал о том, что план — версия восьмая — был мусором. Он думал о том, что все его планы были мусором. Потому что они были написаны человеком, который смотрел сериал и думал, что знает, как устроен мир. А мир оказался... живым. Сложным. Непредсказуемым.

Он думал о том, что он — никто. Оруженосец Мизинца. Мальчик по имени Том, которого не было в сериале. У него нет меча. Нет денег. Нет связей. Только знание — и оно бесполезно, если ты не знаешь, как его применить.

Он думал: а что если он просто сбежит? Уйдёт ночью, пока все спят. Найдёт дорогу. Пойдёт на север. Или на юг. Куда угодно. Подальше от этого каравана, от Мизинца, от Ланнистеров, от всей этой игры.

Но куда он пойдёт? Он не знает дорог. Не знает языка — точнее, знает, но с акцентом, который выдаст его. Не знает, как выжить в лесу, как добыть еду, как защититься от волков — или от людей.

Он умрёт через неделю. Может, через две. И никто не заметит.

Он думал: а что если он останется? Что если он будет играть роль Тома — тихого, незаметного оруженосца — и ждать? Ждать Винтерфелла. Ждать, когда появится шанс. Ждать, когда он сможет что-то сделать.

Это было трусливо. Это было пассивно. Но это было... реально.

Он закрыл глаза. Сон не шёл. В голове крутились мысли — одна за другой, — и он не мог их остановить.

Он думал о Бране. О мальчишке, который через несколько дней полезет на башню и увидит то, что не должен видеть. О мальчишке, который упадёт — или его сбросят, — и останется калекой на всю жизнь.

Он думал: а что если он сможет это предотвратить? Что если он найдёт способ предупредить Брана? Или Неда? Или Кейтилин?

Но как? Он — никто. Он не может подойти к Старкам. Не может сказать: «Ваш сын упадёт с башни, потому что увидит, как Джейме и Серсея...» — его убьют раньше, чем он закончит фразу.

Он думал о том, что знание — это проклятие. Ты знаешь, что будет, но не можешь ничего изменить. Ты как человек, который смотрит на приближающийся поезд и знает, что рельсы повреждены, — но не может ни остановить поезд, ни предупредить машиниста.

Он открыл глаза. Небо было всё таким же — чёрным, с яркими звёздами.

— Ладно, — сказал он тихо. — Ладно.

Он не знал, что делать. Но он знал, что не сбежит. Пока — не сбежит.

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Сон пришёл не сразу — медленно, неохотно, — но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И Нед Старк — живой, смотрящий на него с вопросом в глазах.

VI

Утро второго дня было холодным и туманным. Караван снялся с привала ещё до рассвета — Алекс проснулся от криков, ругани и топота копыт. Он не выспался, глаза слипались, тело болело после ночи на земле. Но он встал, натянул плащ, нашёл свою кобылу и снова забрался в седло.

Ехать было легче, чем вчера. Тело Тома привыкло — или Алекс научился держаться. Он уже не хватался за луку седла, как утопающий за соломинку. Он просто ехал, смотрел вперёд и думал.

Сегодня он собирался быть внимательнее. Наблюдать. Искать возможности.

Он видел, как Джейме Ланнистер тренируется с мечом. Это было... красиво. Не в смысле эстетики — хотя Джейме был красив, это Алекс признавал даже сквозь неприязнь, — а в смысле движения. Меч в его руках был продолжением руки. Он двигался легко, уверенно, без лишних усилий. Каждый удар был точным, каждый шаг — выверенным.

Алекс смотрел на него и думал: этот человек убьёт меня, если узнает, что я знаю. Не потому, что он злой. А потому, что он защищает свою тайну. Свою сестру. Свою жизнь.

Джейме был опасен. Не как «злодей» из сериала — а как хищник. Умный, быстрый, безжалостный.

Алекс отвернулся. Он не должен приближаться к Ланнистерам. Никогда.

Он видел, как Серсея выходит из повозки — прямая спина, поднятый подбородок, взгляд, который скользит по людям, не задерживаясь. Она не смотрела на слуг. Она вообще не смотрела на тех, кто был ниже её. Для неё они были мебелью.

Алекс подумал: вот кто действительно опасен. Не Джоффри — он просто псих. Не Джейме — он убийца, но у него есть кодекс. Серсея — она умна, жестока и готова на всё. Она — настоящий враг.

Он видел Джоффри — мальчишку с пухлыми губами и скучающим взглядом. Тот стоял у повозки и пинал камни. Рядом с ним — Томмен, толстый, испуганный, и Мирцелла — милая девочка с золотыми волосами.

Алекс смотрел на Джоффри и думал: а что если убить его? Прямо сейчас? Подойти, сделать что-то... Но что? У него нет оружия. И даже если бы было — он не убийца. Он не мог. Не так.

Он думал: а что если подкупить кого-то? У него нет денег. Что если найти союзника? Кого? Уилл — просто слуга. Холден — повар. Никто из них не имеет власти.

Он думал: а что если написать письмо? Но он не умеет писать пером. И у него нет бумаги. И кто поверит оруженосцу?

Он думал: а что если подойти к Тириону? Тирион — умный. Тирион — циник. Тирион может понять. Но Тирион — Ланнистер. Он может рассказать Серсее. Или Джейме. И тогда Алекс умрёт.

Он не знал, что делать. Он просто ехал и думал, и мысли ходили по кругу, как лошадь на привязи.

VII

К полудню стало теплее. Туман рассеялся, выглянуло солнце — бледное, осеннее, но всё-таки солнце. Алекс снял плащ и привязал его к седлу.

Он ехал в середине каравана, рядом с повозками, и слушал разговоры. Слуги говорили о Винтерфелле. О том, что там холодно. О том, что Старки — «северные варвары». О том, что их лорд — «человек чести, но слишком уж упрямый».

Алекс слушал и думал: они не понимают. Они не знают, что этот «упрямый человек чести» — единственный, кто может спасти их всех. Или — не спасти. В зависимости от того, что он сделает.

Он думал о Неде. О его выборе. О том, что Нед поедет в Королевскую Гавань, потому что Роберт — его друг. Потому что он чувствует долг. Потому что он — Нед Старк, и он не может иначе.

Алекс думал: а что если бы он смог поговорить с Недом? Не как Том-оруженосец, а как... кто-то. Кто-то, кто знает. Но как? Как ему подойти к лорду Винтерфелла? Как заставить его выслушать?

Он думал о том, что в Винтерфелле будет суматоха. Приезд короля — это событие. Слуги будут бегать, готовить, убирать. Он сможет затесаться в толпу. Может быть, увидеть Неда. Может быть, даже заговорить с ним.

Но что он скажет? «Милорд, не ездите в Королевскую Гавань, потому что вас там убьют»? Нед не поверит. Нед подумает, что он сумасшедший. Или — хуже — что он шпион.

Алекс думал: а что если сказать что-то другое? Что-то, что Нед поймёт? Что-то, что заставит его задуматься?

Он думал о письме Лизы Аррен. О том, что в нём написано: «Джон Аррен был отравлен. Королева в этом замешана». Если Нед получит это письмо раньше — до того, как поедет в Королевскую Гавань, — он будет знать. Он будет готов.

Но как? Как Алекс может передать это письмо? Он не знает, где оно. Не знает, как его достать. Не знает, как передать.

Он думал: а что если написать своё письмо? «Нед, Джоффри — не сын Роберта. Джон Аррен был отравлен. Мизинец предаст. Не доверяй Ланнистерам». Но кто поверит? Кто прочтает? И кто не спросит: «Откуда ты это знаешь?»

Он думал: а что если найти Вариса? Варис — мастер шёпота. Он знает всё. Он может помочь. Но Варис — опасен. У него свои планы. И он не поможет какому-то оруженосцу.

Алекс думал: а что если найти Тириона? Тирион — умный. Тирион — не любит свою сестру. Тирион может помочь. Но как? И зачем ему это?

Он не знал. Он просто ехал и думал, и солнце медленно ползло по небу, и караван медленно полз по дороге, и Винтерфелл был всё ближе.

VIII

К вечеру второго дня они сделали привал у какой-то реки. Алекс помог разбить лагерь — таскал воду, рубил дрова, разжигал костры. Тело Тома работало, руки делали, и это было... успокаивающе. Он не думал, когда работал. Он просто делал.

После ужина — снова похлёбка, снова хлеб, снова холод — он сидел у костра и смотрел на огонь.

К нему подсел Холден. Повар был молчалив, но сегодня он казался... задумчивым.

— Ты не похож на оруженосца, — сказал он вдруг.

Алекс напрягся.

— Что?

— Ты не похож на оруженосца, — повторил Холден. — Оруженосцы — они... молодые. Глупые. Они хвастаются, дерутся, пьют. А ты — молчишь. Смотришь. Думаешь. — Он помолчал. — Ты как будто... старше, чем выглядишь.

Алекс смотрел на огонь. Он не знал, что сказать.

— Может быть, — сказал он наконец. — Может быть, я просто устал.

Холден кивнул.

— Устал, — повторил он. — Это да. Все устали. — Он помолчал. — Но ты — по-другому. Ты как будто... ждёшь чего-то. Как будто знаешь, что будет.

Алекс почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Я не знаю, что будет, — сказал он. — Я просто... думаю.

Холден посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Не буду лезть. Но если тебе что-то нужно — скажи. Я не лорд. Но я могу помочь.

Он встал и ушёл. Алекс смотрел ему вслед и думал: вот ещё один. Ещё один, кто заметил. Ещё один, кто может стать союзником. Или — опасностью.

Он думал: люди не глупые. Они видят. Они замечают. Он не может притворяться вечно. Рано или поздно кто-то спросит: «Кто ты такой?» И что он ответит?

Он думал: а может быть, это и хорошо? Может быть, ему нужен кто-то, кто знает? Кто-то, кто может помочь?

Но он думал и о другом: а что если этот кто-то — предатель? Что если он расскажет Мизинцу? Или Серсее? И тогда Алекс умрёт.

Он не знал. Он просто сидел у костра и смотрел на огонь, и пламя танцевало перед глазами, и где-то далеко — в другом мире, в другом времени — пустая банка колы стояла на полу, а блокнот с планами лежал на столе.

IX

Ночью ему снова снился Винтерфелл.

Он стоял во дворе, и снег падал с неба — крупный, мягкий, — и люди ходили вокруг, и всё было... знакомо. Он видел Неда — тот стоял у ворот и смотрел вдаль. Видел Кейтилин — она шла к замку, прямая, гордая. Видел Сансу — она улыбалась, и рядом с ней был Джоффри, и он улыбался тоже, и это было... страшно.

Он видел Арию — она бежала по двору, маленькая, быстрая, с мечом на поясе. Видел Робба — он стоял у конюшни и разговаривал с кем-то. Видел Брана — мальчик лез на стену, цепляясь за выступы, и Алекс хотел крикнуть: «Остановись! Не лезь туда!» — но голос не слушался.

Он видел, как Бран поднимается выше. Видел, как он добирается до окна башни. Видел, как он заглядывает внутрь.

И видел, как Джейме Ланнистер хватает его за руку.

Алекс проснулся с криком, застрявшим в горле.

Он лежал на земле, укрытый плащом, и сердце колотилось так, что болела грудь. Рядом спали другие слуги — кто-то храпел, кто-то бормотал во сне. Никто не проснулся.

Алекс сел. Вытер лицо — оно было мокрым от пота. Посмотрел на небо. Звёзды всё ещё были там. Луна — бледная, тонкая — висела над деревьями.

Он думал: это был сон. Просто сон. Но он знал, что это не так. Это было предупреждение. Напоминание. Бран упадёт. Через несколько дней. Если он ничего не сделает.

Он думал: а что он может сделать? Он — никто. Оруженосец. Мальчик по имени Том. У него нет власти. Нет оружия. Нет связей.

Но у него есть знание. И у него есть время. Два дня — может, три — до Винтерфелла. И ещё несколько дней — до того, как Бран полезет на башню.

Он думал: а что если он найдёт способ предупредить Брана? Или Неда? Или Кейтилин? Что если он напишет записку? «Не лезь на башню. Там опасность». И подбросит её в комнату Брана?

Но кто поверит записке без подписи? И как он попадёт в комнату Брана? И что если его поймают?

Он думал: а что если он сам полезет на башню? Предупредит Брана? Но он не умеет лазить по стенам. И его увидят. И Джейме убьёт его — или сбросит вместе с Браном.

Он думал: а что если он расскажет всё Уиллу? Или Холдену? Попросит их помочь? Но они не поверят. Или поверят — и тогда подвергнут себя опасности.

Он думал: а что если он просто... подождёт? Посмотрит, что будет. Может быть, он найдёт возможность. Может быть, всё сложится само.

Но он знал, что это ложь. Ничего не сложится само. Нужно действовать. Нужно что-то делать.

Он думал о своём плане. О восьми версиях. О блокноте, который остался в другом мире. Все они были теорией. Все они были мусором.

Но была одна мысль, которая не давала ему покоя. Одна простая мысль: он знает, что будет. И он может это изменить.

Он не знал, как. Не знал, когда. Но он знал, что должен попытаться.

Он лёг обратно на землю. Закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и смотрел в небо, и звёзды были холодными и далёкими, и где-то там — за лесами, за полями, за реками — был Винтерфелл. И Нед Старк. И Бран. И всё, что должно было случиться.

— Ладно, — сказал он тихо. — Ладно.

Он не знал, что делать. Но он знал, что не сдастся.

X

Третий день был последним днём пути.

Алекс узнал об этом утром — от Уилла, который услышал от кого-то из рыцарей. К вечеру караван должен был прибыть в Винтерфелл.

Он ехал и смотрел вперёд, и постепенно пейзаж менялся. Дорога становилась уже, деревья — гуще. Появился снег — не тот, что лежал на земле тонким слоем, а настоящий, северный, который хрустел под копытами и лежал на ветках. Воздух стал холоднее, резче, с запахом хвои и дыма.

Алекс думал: вот оно. Север. Винтерфелл. Нед Старк. Всё, о чём он думал, — здесь. Всё, что он знал, — здесь. Всё, что он хотел изменить, — здесь.

Он думал: а что если он не сможет? Что если он приедет в Винтерфелл, и всё будет так, как в сериале? Нед поедет в Королевскую Гавань. Бран упадёт. Война начнётся. И он, Алекс, ничего не сможет сделать. Просто будет смотреть, как мир рушится.

Он думал: а что если он сможет? Что если он найдёт способ? Что если он предупредит Неда — или Брана — или кого-то ещё? И всё изменится. Не так, как он планировал, — по-другому. Непредсказуемо. Опасно.

Он думал: а что если его действия сделают всё хуже? Что если он попытается спасти Неда, и это приведёт к тому, что умрёт кто-то другой? Санса? Арья? Робб?

Он не знал. Он не мог знать. Он просто ехал и смотрел вперёд, и Винтерфелл был всё ближе.

К полудню они увидели стены.

Серые, массивные, с волчьей головой на воротах. Они поднимались над деревьями, как что-то древнее и огромное. Алекс смотрел на них и чувствовал, как что-то сжимается в груди.

Это был Винтерфелл. Настоящий. Не на экране — а здесь, перед ним.

Он видел, как люди выходят из ворот — слуги, рыцари, дети. Видел, как они выстраиваются в шеренгу. Видел, как впереди стоит человек в тёмном плаще, с суровым лицом и седой в волосах.

Нед Старк.

Алекс смотрел на него и думал: вот он. Живой. Настоящий. Человек, которого я хотел спасти. Человек, который умрёт, если я ничего не сделаю.

Он думал: а что если подойти к нему? Прямо сейчас? Слезть с лошади, подойти, сказать: «Милорд, я знаю, что будет. Я знаю, что вас убьют. Пожалуйста, послушайте меня».

Но он знал, что не может. Не сейчас. Слишком много людей. Слишком много глаз. Мизинец где-то здесь. Ланнистеры где-то здесь. Если он подойдёт к Неду — его заметят. И тогда всё кончится.

Он просто смотрел. Смотрел, как караван въезжает в ворота, как люди кланяются, как король Роберт — огромный, пьяный — слезает с коня и идёт к Неду. Смотрел, как они обнимаются — два старых друга, которые не виделись много лет.

И думал: вот оно. Началось.

XI

Алекс не запомнил, как оказался во дворе. Просто в какой-то момент он уже был там — среди слуг, повозок, лошадей, — и суматоха была такой, что он не успевал думать. Ему кричали, он что-то делал — таскал сумки, вёл лошадей, помогал разгружать повозки.

Он видел Старков. Мельком, в толпе. Кейтилин — прямая, гордая, с плотно сжатыми губами. Робб — высокий, рыжеватый, серьёзный. Санса — хорошенькая, в платье, с улыбкой. Арья — маленькая, в грязном платье, с растрёпанными волосами. Бран — мальчик с любопытными глазами, который смотрел на всё с восторгом. И Джон Сноу — в стороне, мрачный, одинокий.

Алекс смотрел на них и чувствовал... что-то. Не восторг. Не страх. Что-то среднее. Он знал этих людей. Знал их судьбы. Знал, что будет с ними. И это знание было тяжёлым, как камень на шее.

Он видел Мизинца — невысокого, с хитрой улыбкой, в дорогом плаще. Тот стоял в стороне и наблюдал. За всем. За всеми.

Алекс отвернулся. Он не должен смотреть на Мизинца. Не должен привлекать внимание.

Он продолжал работать. Таскал, носил, помогал. Тело Тома делало своё дело, а он думал.

Он думал: вот он, Винтерфелл. Вот люди, которых он хотел спасти. Вот место, где всё начнётся.

Он думал: а что если он найдёт Джона Сноу? Поговорит с ним? Джон — бастард, он в стороне, он одинок. Он может выслушать. Он может поверить. Но что сказать? «Ты — Таргариен»? Слишком рано. Слишком опасно.

Он думал: а что если он найдёт Арья? Она — ребёнок, но она умная. Она может понять. Но что сказать? «Твой отец умрёт»? Она не поверит. Или поверит — и тогда что?

Он думал: а что если он найдёт Брана? Мальчика, который упадёт. Мальчика, которого он может спасти. Но как? Что сказать? «Не лезь на башню»? Он не слушает. Он — ребёнок. Дети не слушают.

Он думал: а что если он найдёт Неда? Лорда Винтерфелла. Человека чести. Человека, который умрёт, если не слушает. Но как? Как подойти к нему? Как заставить его выслушать?

Он не знал. Он просто работал и думал, и день шёл к вечеру, и суматоха постепенно стихала.

XII

Вечером Алекс оказался в коридоре замка.

Он не помнил, как туда попал. Просто в какой-то момент он нёс мешок с чем-то — мукой? крупой? — и шёл по коридору, и коридор был тёмным, узким, с факелами на стенах.

Он остановился. Прислонился к стене. Закрыв глаза.

Суматоха. Люди. Голоса. Всё это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.

Он думал: я в Винтерфелле. Я внутри. Я могу что-то сделать. Но что?

Он открыл глаза. Посмотрел на коридор. Где-то там — комнаты Старков. Комната Брана. Комната Арьи. Комната Сансы. Комната Неда.

Он думал: а что если прямо сейчас пойти к Брану? Найти его комнату. Оставить записку. «Не лезь на башню». Что-то простое. Что-то, что он поймёт.

Но он не знал, где комната Брана. Не знал, как туда попасть. Не знал, что написать. И у него не было бумаги.

Он думал: а что если пойти к Неду? Найти его кабинет. Оставить записку. «Джоффри — не сын Роберта. Джон Аррен отравлен. Не доверяй Ланнистерам». Но Нед не поверит записке без подписи. Или поверит — и тогда начнёт искать, кто её написал. И найдёт Алекса. И тогда...

Он не знал. Он просто стоял в коридоре и думал, и факелы мерцали на стенах, и где-то далеко слышались голоса.

Он услышал шаги. Лёгкие, быстрые. Обернулся.

По коридору шла девочка. Маленькая, с растрёпанными волосами, в грязном платье. Арья.

Она остановилась, увидев его. Прищурилась.

— Ты кто? — спросила она.

Алекс открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Том, — сказал он. — Оруженосец. Я... я нёс мешок.

Арья посмотрела на мешок. Потом на него.

— Ты не похож на оруженосца, — сказала она.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Второй раз за день. Второй раз кто-то говорит ему это.

— Почему? — спросил он.

Арья пожала плечами.

— Не знаю. Ты выглядишь... странно. Как будто ты не здесь. — Она помолчала. — Как будто ты думаешь о чём-то другом.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая через несколько месяцев будет прятаться в подворотнях Королевской Гавани. На девочку, которая потеряет отца, мать, брата. На девочку, которая станет убийцей.

Он думал: а что если сказать ей? Прямо сейчас? «Твой отец умрёт. Твоя мать умрёт. Твой брат умрёт. Всё, что ты любишь, — умрёт. Если ты не поможешь мне остановить это».

Но он знал, что не может. Она — ребёнок. Она не поверит. Или поверит — и тогда что? Она попытается что-то сделать. И пострадает.

— Я просто устал, — сказал он. — Долгая дорога.

Арья кивнула.

— Ага. Долгая. — Она помолчала. — Ты видел Джоффри? Принца? Он — придурок. Я его ненавижу.

Алекс чуть не засмеялся. Чуть.

— Видел, — сказал он. — Он... да. Придурок.

Арья улыбнулась. Впервые — искренне.

— Ты странный, Том-оруженосец, — сказала она. — Но мне нравишься.

Она убежала. Алекс смотрел ей вслед и думал: вот она. Первая. Первая, кто со мной заговорил. Первая, кто улыбнулся.

Он думал: а что если она может помочь? Она — ребёнок, но она — Старк. Она может передать записку. Она может предупредить Брана. Она может...

Он остановил себя. Нет. Слишком опасно. Слишком рано.

Он поднял мешок и пошёл дальше по коридору.

XIII

Ночью Алекс не спал.

Он лежал в каком-то закутке — вроде чулана, где хранились метлы и вёдра, — и смотрел в потолок. Потолок был низким, деревянным, с паутиной по углам.

Он думал: я в Винтерфелле. Я внутри. Я могу что-то сделать.

Он думал: а что если завтра? Утром? Найти Брана. Поговорить с ним. Сказать: «Не лезь на башню. Пожалуйста».

Но Бран не слушает. Он — ребёнок. Дети не слушают незнакомцев.

Он думал: а что если найти Джона? Он — взрослый. Он — умный. Он может понять. Но Джон — бастард. У него нет власти. И он не поверит.

Он думал: а что если найти Неда? Лорда Винтерфелла. Человека, который может всё изменить. Но Нед не станет слушать оруженосца. Нед слишком занят. Слишком важен. Слишком...

Он думал: а что если написать записку? Просто. Коротко. «Не лезь на башню. Там опасность». И подбросить её Брану. Под дверь. Или в комнату.

Но кто поверит записке? И как он попадёт в комнату Брана? И что если его поймают?

Он думал: а что если... подождать? Посмотреть, что будет. Может быть, он найдёт возможность. Может быть, всё сложится само.

Но он знал, что это ложь. Ничего не сложится само. Нужно действовать.

Он думал о своём плане. О восьми версиях. О блокноте, который остался в другом мире. Все они были теорией. Все они были мусором.

Но была одна мысль, которая не давала ему покоя. Одна простая мысль: он знает, что будет. И он может это изменить.

Он не знал, как. Не знал, когда. Но он знал, что должен попытаться.

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как где-то в замке скрипят половицы, как воет ветер за окном, как кто-то ходит по коридору.

Он думал: завтра. Завтра он что-то сделает. Что-то. Что угодно.

Он думал: а что если завтра Бран полезет на башню? Что если завтра всё начнётся? Что если у него нет времени?

Он открыл глаза. Посмотрел на потолок. На паутину. На темноту.

— Ладно, — сказал он тихо. — Ладно.

Он не знал, что делать. Но он знал, что не сдастся.

Он повернулся на бок. Закрыл глаза. И постепенно — медленно, неохотно — сон пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лез на башню.

XIV

Утро четвёртого дня началось с крика.

Алекс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза — над ним стоял Уилл, рыжий, взъерошенный, с испуганным лицом.

— Том! Том, вставай! — кричал он. — Там это... мальчик... сын лорда Старка... он упал!

Алекс почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Что? — прошептал он. — Как упал?

— С башни! — Уилл был бледен. — Говорят, он лез на стену и сорвался. Он весь в крови. Лорд Старк уже там. И король. И все...

Алекс не слушал дальше. Он вскочил. Натянул плащ. Выбежал в коридор.

Он бежал по коридорам Винтерфелла — тёмным, узким, с факелами на стенах, — и думал: я опоздал. Я опоздал. Я ничего не сделал. Я просто лежал и думал, и Бран упал.

Он выбежал во двор. Там была толпа. Люди стояли, смотрели вверх, шептались. Алекс протолкался сквозь них.

Он увидел башню. Ту самую. И у её подножия — маленькое тело, распростёртое на камнях. Бран. Мальчик с любопытными глазами. Мальчик, который лез на стену.

Алекс смотрел на него и чувствовал, как что-то внутри него ломается. Не в сериале. В нём самом.

Он думал: я знал. Я знал, что это случится. И я ничего не сделал.

Он думал: а что если бы я действовал? Что если бы я нашёл Брана вчера? Предупредил его? Что если бы я написал записку? Что если бы я сделал хоть что-то?

Он думал: я — никто. Оруженосец. Мальчик по имени Том. У меня нет власти. Нет оружия. Нет связей. Только знание — и оно бесполезно, если ты не знаешь, как его применить.

Он смотрел на Брана и думал: это только начало. Дальше будет хуже. Нед умрёт. Война начнётся. Всё, что я знал, — сбудется.

Он смотрел на Брана и думал: а что если я всё ещё могу что-то изменить? Что если это — не конец? Что если это — начало?

Он смотрел на Брана и думал: я не знаю, что делать. Но я знаю, что не сдамся.

Он смотрел на Брана и думал: ладно. Начнём.

И сделал шаг вперёд. В толпу. В Винтерфелл. В начало.

Конец главы 2.

Глава 3. Винтерфелл

I

Алекс не помнил, как добрался до своего закутка. Помнил только, что бежал — через двор, мимо людей, мимо повозок, мимо чего-то горящего, — а потом оказался в тёмном чулане, где пахло метлами и мышиным помётом, и сел на пол, прижавшись спиной к холодной стене.

Руки тряслись. Не от холода — хотя в Винтерфелле было холодно, холоднее, чем он мог себе представить, — а от чего-то другого. От того, что он увидел. Маленькое тело на камнях. Кровь. Кейтилин, бегущая через двор с криком, который не был похож на человеческий. Нед, опустившийся на колени — лорд Винтерфелла, человек чести, — и его лицо, серое, как пепел.

Алекс знал, что это случится. Знал. И ничего не сделал.

Он сидел в чулане и смотрел на свои руки — чужие руки, покрытые мозолями, с заусенцами на пальцах, — и думал: «Я мог. Я мог что-то сделать. Вчера. Позавчера. Написать записку. Подбросить под дверь. Сказать хоть кому-нибудь. Хоть что-нибудь».

Но он не сделал. Потому что боялся. Потому что думал, что у него есть время. Потому что он — программист из Москвы, который привык, что всё можно отложить на завтра, что дедлайн можно сдвинуть, что мир подождёт.

Мир не подождал.

Алекс закрыл глаза. В голове крутились слова из форума — того самого, тихого, с тремя сотнями пользователей. «Главная ошибка всех попаданцев — они думают, что знание сюжета = контроль. А это не так. Мир живой. Люди не читают сценарий».

Он думал: этот Maester_Qyburn был прав. Полностью прав. И Алекс — идиот, который думал, что знает лучше.

Он сидел в чулане, наверное, час. Может, два. В какой-то момент в коридоре началась беготня — люди кричали, кто-то плакал, кто-то отдавал приказы. Алекс слышал слова: «мейстер Лювин», «перелом», «он не приходит в себя». Он не выходил. Не мог. Просто сидел и слушал, как рушится мир — не его мир, другой, но теперь уже и его тоже.

Потом стало тихо. И Алекс наконец встал.

Ноги были ватными. Спина затекла. Он вышел в коридор и побрёл — сам не зная куда. Просто шёл, смотрел на факелы, на стены, на людей, которые проходили мимо с бледными лицами.

Он вышел во двор. Там всё ещё была толпа — но не та, что утром. Не зеваки. Слуги, рыцари, кто-то из свиты короля. Все говорили тихо. Все смотрели на башню — ту самую, с которой упал Бран.

Алекс поднял глаза. Башня была высокой, серой, с узкими окнами. Он знал, что там, наверху, — комната, где Джейме и Серсея... Он не хотел думать об этом. Не сейчас.

Он увидел Мизинца. Тот стоял в стороне, у стены конюшни, и разговаривал с кем-то — невысоким человеком в тёмном плаще. Мизинец улыбался. Улыбался. В день, когда ребёнок упал с башни и лежал при смерти.

Алекс почувствовал, как что-то холодное и острое поднимается в груди. Не гнев. Гнев был бы слишком простым. Это было... понимание. Вот он. Вот человек, который — Алекс

знал это из сериала, знал из книг, знал из тысячи обсуждений на форуме — стоит за всем. За письмом Лизы. За смертью Джона Аррена. За всем, что случится.

И Алекс ничего не мог сделать.

Он отвернулся и пошёл обратно в замок.

II

Весь день Алекс работал. Не потому, что должен был, — а потому, что не мог сидеть. Не мог думать. Руки делали, тело двигалось, и это было единственное спасение.

Он таскал воду. Рубил дрова. Чистил котлы. Холден — повар, с которым он познакомился в караване, — смотрел на него с удивлением, но ничего не говорил. Только один раз, когда Алекс в очередной раз принёс воду и поставил ведро у очага, Холден сказал:

— Ты не обязан. Ты — оруженосец лорда Бейлиша. Не моя собака.

Алекс посмотрел на него.

— Я не хочу быть оруженосцем лорда Бейлиша, — сказал он тихо.

Холден прищурился. Помолчал. Потом кивнул.

— Ладно. Тогда работай. Но не надорвись. Мне не нужен труп на кухне.

Алекс кивнул и вернулся к работе.

К вечеру он знал кухню Винтерфелла лучше, чем знал свою квартиру в Москве. Знал, где хранится мука (в больших мешках, в кладовой у северной стены), где — крупа (в бочках, в подвале), где — мясо (в леднике, за кухней). Знал, что Морна — главная повариха — не терпит, когда путаются под ногами, но уважает тех, кто работает молча. Знал, что Бет и Джейн — девушки, которые помогают с тестом, — любят посплетничать, но боятся Морны больше, чем богов. Знал, что Пайк — мальчишка-поварёнок — знает всё, что происходит в замке, потому что бегает везде и слушает всех.

Алекс слушал тоже. Слушал и запоминал.

— Говорят, мальчик не сам упал, — сказал Пайк, когда Морна вышла. — Говорят, его толкнули.

— Не болтай, — сказала Бет, но без особой уверенности.

— А я что? Я ничего, — Пайк пожал плечами. — Но я слышал, как стражники говорили. Говорят, на башне были люди. Не Старки. Другие.

Алекс не поднимал глаз от котла, который чистил. Сердце колотилось, но лицо оставалось спокойным.

— Какие люди? — спросил он как можно равнодушнее.

Пайк посмотрел на него с интересом.

— А ты почему спрашиваешь?

— Просто. Слышал, что ты сказал. Любопытно.

Пайк хмыкнул.

— Не знаю какие. Но стражники говорили, что на башне были Ланнистеры. Джейме. И королева.

— Пайк! — Морна вернулась и грохнула на стол миску. — Ещё слово — и ты будешь чистить отхожие ямы до конца зимы. Понял?

Пайк сник.

— Понял, госпожа Морна.

Алекс вернулся к котлу. Внутри всё кипело. Он знал. Он знал, что на башне были Джейме и Серсея. Знал, что Брана столкнули. Знал, что это — только начало.

Но он ничего не мог сделать. Пока.

III

Ночью Алекс не мог уснуть. Лежал в чулане — теперь у него было «свое место», закуток за кухней, где хранились метлы и вёдра, — и смотрел в потолок.

Он думал о том, что произошло. О Бране. О Неде. О Кейтилин, которая, наверное, сейчас сидит у постели сына и не спит. О Роббе, который, наверное, пытается быть сильным. О Сансе, которая, наверное, плачет. Об Арье, которая, наверное, злится.

И о Джоне. О бастарде, который стоит в стороне и смотрит, как рушится семья, к которой он принадлежит — и не принадлежит.

Алекс думал: а что если он найдёт Джона? Сейчас? Ночью? Поговорит с ним? Джон — взрослый. Он — умный. Он может понять. Но что сказать? «Твой брат не сам упал. Его столкнули. Я знаю, кто. Но я не могу доказать». Джон не поверит. Или поверит — и тогда что? Пойдёт к Джейме? И умрёт?

Алекс думал: а что если он найдёт Арию? Она — ребёнок, но она — умная. Она уже видела, что мир несправедлив. Она может понять. Но что сказать? «Твой брат упал, потому

что увидел то, что не должен был видеть. И это только начало. Дальше будет хуже». Арья не поверит. Или поверит — и тогда что? Попытается что-то сделать? И пострадает?

Алекс думал: а что если он найдёт Неда? Лорда Винтерфелла. Человека, который может всё изменить. Но как? Как подойти к нему? Как заставить его выслушать? Он — слуга. Мальчик с кухни. А Нед — лорд. Между ними — стена. Не каменная. Хуже. Сословная.

Алекс думал: а что если он не будет искать Неда? Что если он найдёт кого-то, кто ближе к лорду? Мейстера Лювина? Сира Родрика? Кейтилин? Но все они — слишком высоко. Все они не станут слушать мальчишку с кухни.

Он думал: а что если он просто... подождёт? Посмотрит, что будет. Может быть, он найдёт возможность. Может быть, всё сложится само.

Но он знал, что это ложь. Ничего не сложится само. Нужно действовать. Нужно что-то делать.

Он думал о своём плане. О восьми версиях. О блокноте, который остался в другом мире. Все они были теорией. Все они были мусором. Потому что они были написаны человеком, который думал, что знает, как устроен мир. А мир оказался... живым. Сложным. Непредсказуемым.

Но была одна мысль, которая не давала ему покоя. Одна простая мысль: он знает, что будет. И он может это изменить.

Он не знал, как. Не знал, когда. Но он знал, что должен попытаться.

Он встал. Взял плащ. Вышел в коридор.

IV

Двор был пустым. Только факелы горели у стен, и ветер гонял по камням снежную крупу. Алекс стоял у стены конюшни и смотрел на башню. Ту самую. Где Бран упал. Где Джейме и Серсея...

Он услышал шаги. Обернулся.

Джон Сноу шёл через двор — медленно, с опущенной головой, в тяжёлом плаще. Он не смотрел по сторонам. Просто шёл — к конюшне, к стене, куда угодно, — и Алекс понял: он не может спать. Как и сам Алекс.

Алекс сделал шаг вперёд. Потом остановился. Что он скажет? «Привет, я — Том с кухни. Я знаю, что твой брат не сам упал. И я знаю, что ты — Таргариен. И что ты умрёшь. И воскреснешь. И убьёшь Дейенерис. И...»

Нет. Слишком много. Слишком рано. Слишком опасно.

Но он всё равно шагнул.

— Не спится? — спросил он тихо.

Джон остановился. Повернулся. В его глазах — настороженность, усталость, что-то ещё. Что-то, что Алекс не мог назвать.

— Ты кто? — спросил Джон.

— Том. Я... работаю на кухне.

— На кухне? — Джон прищурился. — Что ты делаешь здесь, ночью?

— Не могу спать, — сказал Алекс. — Как и ты.

Джон молчал. Смотрел на него. Потом медленно кивнул.

— Да, — сказал он. — Не могу.

Он не ушёл. Алекс тоже не уходил. Они стояли в нескольких шагах друг от друга, и ветер гонял снег, и факелы мерцали, и где-то далеко — в замке — кто-то плакал.

— Ты знаешь, что случилось? — спросил Джон наконец.

— Слышал, — сказал Алекс. — Мальчик упал с башни.

— Бран, — сказал Джон. — Его зовут Бран. Он... он мой брат.

Алекс молчал. Он знал. Он знал всё о Бране. Знал, что он станет Трёхглазым Вороном. Знал, что он будет смотреть в прошлое и будущее. Знал, что он станет королём. Но сейчас Бран был просто мальчиком, который лежал без сознания, и Джон — бастард, который не знал, как помочь.

— Мне жаль, — сказал Алекс. Это было всё, что он мог сказать. И это было правдой.

Джон посмотрел на него. Долго.

— Ты странный, — сказал он. — Ты не похож на слугу.

— Мне уже говорили, — сказал Алекс.

— Кто?

— Леди Арья.

Джон удивлённо поднял бровь.

— Арья? Ты знаешь Арию?

— Она забежала на кухню. За пирожком. Мы... поговорили.

Джон хмыкнул. Впервые — что-то похожее на улыбку.

— Это похоже на Арию. Она всегда там, где не надо.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Она... сильная. Твоя сестра. Она справится.

Джон посмотрел на него.

— Ты так думаешь?

— Я знаю.

Джон молчал. Потом кивнул.

— Надеюсь, ты прав, — сказал он. — Потому что я... я не знаю, что делать. Я никто. Бастард. Я не могу помочь Брану. Не могу помочь отцу. Не могу...

Он замолчал. Алекс смотрел на него и думал: вот он. Человек, который станет героем. Который спасёт мир. Который умрёт и воскреснет. И сейчас он стоит во дворе Винтерфелла и говорит, что он никто.

— Ты не никто, — сказал Алекс.

Джон посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

Джон молчал. Потом медленно покачал головой.

— Станный ты, Том с кухни, — сказал он. — Очень странный.

Он ушёл. Алекс смотрел ему вслед и думал: «Он — ключ. Но не сейчас. Слишком рано».

V

Утром пришла новость. Пайк прибежал на кухню, запыхавшийся, с горящими глазами.

— Лорд Старк едет на юг! — выпалил он. — Король назначил его десницей! Он поедет в Королевскую Гавань!

Кухня замерла. Морна опустила ложку. Бет и Джейн переглянулись. Холден нахмурился.

— Значит, война будет, — сказала Морна тихо.

— Не каркай, — сказал Холден, но без уверенности.

Алекс стоял у стола, чистил овощи, и чувствовал, как всё внутри холодеет. Вот оно. Началось. Нед поедет в Королевскую Гавань. И умрёт. Если ничего не сделать.

Он думал: «Я должен поговорить с ним. До отъезда. Как угодно. Любой ценой».

Но как? Как подойти к лорду Винтерфелла? Как заставить его выслушать?

Он думал: «Может быть, через Арию? Она может передать записку. Но что написать? И поверит ли Нед записке от ребёнка?»

Он думал: «Может быть, через Джона? Но Джон — бастард. У него нет власти. И он не поверит».

Он думал: «Может быть, через Холдена? Но Холден — повар. Лорд не станет слушать повара».

Он думал: «Может быть, я сам? Подойти, когда он будет один. Сказать: „Милорд, я знаю, что вас убьют. Пожалуйста, послушайте“. И что потом? Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И что я отвечу? „Я видел сериал“?»

Он думал: «Может быть, написать письмо? Анонимное. „Нед, Джоффри — не сын Роберта. Джон Аррен отравлен. Не доверяй Ланнистерам“. И подбросить в кабинет. Но кто поверит анонимному письму? И как я попаду в кабинет?»

Он не знал. Он просто чистил овощи и думал, и мысли ходили по кругу.

VI

Днём Алекс вызвался отнести еду в кабинет лорда Старка. Морна ворчала, но отпустила — потому что кто-то должен был это сделать, а все были заняты.

Алекс взял поднос — хлеб, сыр, кувшин вина — и пошёл по коридору. Сердце колотилось. Руки дрожали. Он повторял про себя: «Ты просто слуга. Ты просто несёшь еду. Ты ничего не делаешь. Просто носи».

Коридор был длинным, тёмным, с факелами на стенах. У двери кабинета стояли двое стражников — в кольчугах, с мечами на поясе. Они посмотрели на Алекса.

— Еда для лорда Старка, — сказал Алекс, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Оставь здесь, — сказал один из стражников. — Я передам.

— Мне велели передать лично, — сказал Алекс.

Стражник прищурился.

— Кто велел?

— Госпожа Морна. Главная повариха.

— Мне плевать, что велела твоя повариха. Лорд занят. Оставь поднос и иди.

Алекс стоял. Поднос был тяжёлым. Руки дрожали.

— Милорд... он один? — спросил он.

Стражник шагнул вперёд.

— Ты глухой? Я сказал — оставь поднос и иди. Или я тебя арестую.

Алекс отступил. Поставил поднос на пол. Повернулся. Пошёл обратно.

Но он успел услышать. Дверь была приоткрыта. Голоса — Неда и Кейтилин.

— Ты не должен ехать, — говорила Кейтилин. — Что-то здесь не так. Бран... это не случайность. Я чувствую.

— Я должен, — отвечал Нед. — Роберт — мой друг. Джон Аррен мёртв. Я нужен в Королевской Гавани.

— А твоя семья? Твои дети? Что будет с ними?

— Они останутся здесь. В Винтерфелле. Под твоей защитой.

— А если что-то случится? Если Ланнистеры...

— Кейтилин, я не могу отказать королю. Ты знаешь это.

Алекс шёл по коридору и чувствовал, как что-то сжимается в груди. Он слышал этот разговор. В сериале. Сотни раз. И сейчас он слышал его вживую — и ничего не мог сделать.

Он думал: «Я не могу подойти. Не могу сказать. Я — никто. Мальчик с подносом. А он — лорд Винтерфелла. Между нами — стена. Не каменная. Хуже. Сословная».

VII

Вечером Алекс сидел на кухне — один, в углу, у остывающего очага. Все уже разошлись. Только Холден остался — он мыл котлы, медленно, устало.

— Ты сегодня сам не свой, — сказал Холден, не оборачиваясь. — Что-то случилось?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я слышал разговор. Лорд Старк едет на юг.

— Да, — сказал Холден. — Все слышали.

— Это... опасно.

Холден обернулся. Посмотрел на него.

— Опасно? — переспросил он. — Почему ты так думаешь?

Алекс молчал. Он не знал, что сказать. Правду? «Потому что я видел сериал, и я знаю, что Нед умрёт»? Или ложь? «Потому что я слышал, как стражники говорили»?

— Просто... чувствую, — сказал он наконец.

Холден смотрел на него долго. Потом медленно кивнул.

— И я чувствую, — сказал он. — Что-то не так. Что-то... нехорошее. Но мы — слуги. Мы не можем ничего изменить.

— А если бы могли? — спросил Алекс.

Холден посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы кто-то... предупредил лорда Старка. О том, что на юге опасно. Что Ланнистеры... что-то замышляют.

Холден молчал. Потом покачал головой.

— Кто предупредит? Слуга? Лорд не станет слушать слугу. Он — Нед Старк. Он — человек чести. Он верит в долг, в дружбу, в справедливость. Он не станет слушать того, кто говорит: «Не доверяй Ланнистерам». Он скажет: «У меня нет доказательств. А без доказательств — это просто слова».

— А если бы были доказательства? — спросил Алекс.

Холден посмотрел на него.

— Тогда этому кому-то лучше иметь очень хорошую причину, чтобы лорд ему поверил. Или очень хорошего союзника.

Алекс молчал. Потом кивнул.

— Понятно, — сказал он.

Холден смотрел на него ещё долго. Потом вернулся к котлам.

— Ты странный, Том, — сказал он тихо. — Очень странный. Но я тебе не враг. Если тебе что-то нужно — скажи.

Алекс кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — Я... запомню.

VIII

Ночью Алекс снова не спал. Лежал в чулане, смотрел в потолок, думал.

Он думал: «Я не могу спасти Неда одним разговором. Не могу предупредить. Не могу остановить. Но я могу быть рядом. Каждый день. Может быть, я найду момент. Может быть, я найду способ. Может быть, я найду союзника, который имеет доступ к лорду».

Он думал: «Арья. Она — ребёнок, но она — Старк. Она может передать записку. Она может сказать отцу: „Папа, тут один человек... он говорит странные вещи“. И Нед, может быть, послушает. Может быть, задумается».

Он думал: «Джон. Он — бастард, но он — сын Неда. Не по крови — по воспитанию. Нед доверяет ему. Если Джон скажет: „Отец, я слышал...“ — Нед послушает. Может быть».

Он думал: «Холден. Он — повар, но он — уважаемый. Он знает всех. Он может помочь. Он может найти кого-то, кто ближе к лорду».

Он думал: «Но всё это — теория. Всё это — планы. А на самом деле... на самом деле я — никто. Мальчик с кухни. И у меня нет ничего, кроме знания. А знание без власти — это просто... слова».

Он думал о Бране. О мальчике, который лежал без сознания. О мальчике, которого он не спас. О мальчике, который, может быть, умрёт.

Он думал: «Я не могу спасти всех. Но я могу попытаться спасти хоть кого-то. Неда. Может быть, Арию. Может быть, Сансу. Может быть, Робба. Может быть, всех».

Он думал: «Мир живой. Люди не читают сценарий. Одно неверное слово — и всё изменится. Но это значит, что и правильное слово может изменить всё. Надо только найти его».

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как воет ветер за окном, как скрипят половицы, как где-то далеко — в замке — кто-то ходит.

Он думал: «Завтра. Завтра я что-то сделаю. Что-то. Что угодно».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Он повернулся на бок. Закрыв глаза. И постепенно — медленно, неохотно — сон пришёл.

IX

Утро началось с суматохи. Все бегали, кричали, таскали сундуки. Нед готовился к отъезду. Король и его свита должны были выехать через два дня.

Алекс работал. Таскал воду, рубил дрова, чистил котлы. Руки делали, тело двигалось, и это было спасением. Он не думал, когда работал. Просто делал.

Но в какой-то момент — ближе к полудню — он оказался во дворе. С мешком муки на плече. И увидел Арию.

Она стояла у стены, с мечом в руке. Тренировалась. Плохо. Злилась.

Алекс остановился. Смотрел. Ария замечала его.

— Чего уставился? — спросила она резко.

— Ты держишь меч слишком высоко, — сказал Алекс. — Так рука устанет быстрее. И ты не сможешь нанести удар.

Ария прищурилась.

— Ты что, воин?

— Нет. Но я... видел, как тренируются другие.

— Где?

— В... — Алекс запнулся. — В караване. Рыцари. Они тренировались.

Ария смотрела на него. Потом сказала:

— Покажи.

Алекс опустил мешок на землю. Взял палку — не меч, он не рискнёт, — и показал стойку. Неуклюже, но правильно. Ноги на ширине плеч. Меч — или палка — на уровне груди. Не выше.

— Вот так, — сказал он. — Так ты можешь двигаться быстрее. И не устанешь так быстро.

Ария повторила. Получилось лучше.

— Хм, — сказала она. — А ты знаешь вещи.

— Некоторые, — сказал Алекс.

Арья смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Ты странный, Том с кухни. Но ты мне нравишься.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала тише:

— Мой брат... Бран... он может умереть. Мейстер Лювин говорит, что он не приходит в себя. Что он... сломан.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Мне жаль, — сказал он.

Арья посмотрела на него.

— Ты что-то знаешь, — сказала она. Это был не вопрос.

Алекс молчал.

— Ты знаешь, кто это сделал, — сказала Арья. — Я вижу. Ты смотришь на всех так, как будто... как будто знаешь что-то, чего не знают другие.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Не точно. Но... я думаю, что это не случайность.

Арья шагнула ближе.

— Кто? — спросила она. — Кто это сделал?

— Я не могу сказать, — сказал Алекс. — Не сейчас. Потому что если я скажу — и если я ошибусь — будет хуже. И если я прав — будет ещё хуже.

Арья смотрела на него. Долго. Очень долго.

— Ты странный, — сказала она наконец. — Но я тебе верю. Почему-то.

Алекс кивнул.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Если ты узнаешь что-то — скажи мне. Я не ребёнок. Я справлюсь.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая через несколько месяцев будет прятаться в подворотнях Королевской Гавани. На девочку, которая потеряет отца, мать, брата. На девочку, которая станет убийцей.

Он думал: «Она не ребёнок. Она — Старк. Она — сильная. Она справится».

— Хорошо, — сказал он. — Я скажу. Когда буду готов.

Арья кивнула. Потом убежала — быстрая, лёгкая, как тень.

Алекс смотрел ей вслед. И думал: «Вот она. Первая. Первая, кто мне поверил. Первая, кто может помочь».

Х

Вечером Алекс снова оказался на кухне. Один. Все уже разошлись. Только Морна осталась — она сидела у очага, вязала, и лицо у неё было усталым.

Алекс подошёл.

— Госпожа Морна, — сказал он тихо.

Она подняла голову.

— Чего тебе?

— Я хотел спросить. Лорд Старк... он хороший человек?

Морна посмотрела на него. Долго. Потом отложила вязание.

— Хороший? — переспросила она. — Он — Нед Старк. Он — человек чести. Он — справедливый. Он — добрый. Но... — она помолчала. — Он слишком хороший. Для этого мира. Для юга. Там такие, как он, не выживают.

Алекс почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Вы думаете, ему будет опасно? — спросил он.

Морна посмотрела на него.

— Я думаю, что юг — это змеиное гнездо. И Ланнистеры — самые ядовитые змеи. А лорд Старк... он не умеет играть в их игры. Он слишком честный.

Алекс молчал. Потом сказал:

— А если бы кто-то... предупредил его?

Морна прищурилась.

— Кто? Ты?

Алекс молчал.

Морна покачала головой.

— Ты — слуга. Мальчик с кухни. Лорд не станет тебя слушать. И если ты попытаешься — тебя выгонят. Или хуже.

— Я знаю, — сказал Алекс. — Но... а если бы у меня были доказательства?

Морна смотрела на него. Долго.

— Тогда, — сказала она медленно, — тебе нужно быть очень осторожным. Потому что те, кто приносит доказательства против Ланнистеров, — они долго не живут.

Алекс кивнул.

— Я понимаю, — сказал он.

Морна смотрела на него ещё долго. Потом вздохнула.

— Ты странный, мальчик, — сказала она. — Очень странный. Но... — она помолчала. — Если тебе что-то нужно — скажи. Я не лорд. Но я могу помочь.

Алекс кивнул.

— Спасибо, — сказал он.

XI

Ночью Алекс лежал в чулане и думал. О Неде. О Бране. О Арье. О Джоне. О Холдене. О Морне.

Он думал: «У меня есть союзники. Немного. Но есть. Арья. Джон. Холден. Морна. Они не могут изменить мир. Но они могут помочь мне. Может быть».

Он думал: «Я не могу спасти Неда одним разговором. Не могу предупредить. Не могу остановить. Но я могу быть рядом. Каждый день. Может быть, я найду момент. Может быть, я найду способ».

Он думал: «Мир живой. Люди не читают сценарий. Одно неверное слово — и всё изменится. Но это значит, что и правильное слово может изменить всё. Надо только найти его».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Он закрыл глаза. Сон пришёл быстрее, чем вчера. Медленно, неохотно, но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И Нед Старк — живой, смотрящий на него с вопросом в глазах.

XII

Утро следующего дня началось с новости. Пайк прибежал на кухню, запыхавшийся, с горящими глазами.

— Лорд Старк уезжает! — выпалил он. — Завтра! Король и его свита — все уезжают!

Кухня замерла. Морна опустила ложку. Бет и Джейн переглянулись. Холден нахмурился.

Алекс стоял у стола. Чистил овощи. И чувствовал, как всё внутри холодеет.

Завтра. Нед уезжает завтра. И если он ничего не сделает — Нед умрёт. Через несколько месяцев. В Королевской Гавани. На ступенях Бейлора.

Он думал: «Я должен что-то сделать. Сейчас. До отъезда. Любой ценой».

Но что? Что он мог сделать? Он — слуга. Мальчик с кухни. У него нет власти. Нет оружия. Нет связей.

Он думал: «Арья. Она может помочь. Она — Старк. Она может передать записку. Она может сказать отцу: „Папа, тут один человек... он говорит странные вещи“».

Он думал: «Джон. Он — бастард. Но он — сын Неда. Нед доверяет ему. Если Джон скажет: „Отец, я слышал...“ — Нед послушает».

Он думал: «Но что сказать? Что написать? „Нед, не едь в Королевскую Гавань, потому что тебя убьют“? Он не поверит. Он скажет: „Откуда ты знаешь?“ И что я отвечу?»

Он думал: «Может быть, сказать правду? Часть правды? „Джоффри — не сын Роберта. Джон Аррен отравлен. Ланнистеры замышляют что-то“. Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И я скажу... что?»

Он не знал. Он просто чистил овощи и думал, и мысли ходили по кругу.

Но в какой-то момент — когда Морна вышла, а Бет и Джейн убежали за мукой — он остался один. И Холден тоже был там. Он мыл котлы. Медленно. Устало.

Алекс подошёл.

— Холден, — сказал он тихо. — Мне нужно поговорить с тобой.

Холден обернулся. Посмотрел на него.

— Говори.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Я знаю, что ты не веришь мне. И я знаю, что я — странный. Но... я знаю вещи. О будущем. О том, что случится.

Холден смотрел на него. Долго. Потом медленно отложил тряпку.

— Что ты знаешь? — спросил он тихо.

— Лорд Старк умрёт, — сказал Алекс. — Если поедет в Королевскую Гавань. Его казнят. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Ланнистеры... они захватят власть. И всё... всё рухнет.

Холден молчал. Очень долго. Потом сказал:

— Откуда ты это знаешь?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не могу объяснить. Но я знаю. И я... я хочу помочь. Но я не знаю как.

Холден смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты странный, Том, — сказал он. — Очень странный. Но... — он помолчал. — Я тебе верю. Почему-то. Может быть, потому что ты смотришь на всех так, как будто знаешь что-то, чего не знают другие. Может быть, потому что ты не врешь. Не знаю.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Облегчение? Нет. Что-то другое. Что-то более сложное.

— Спасибо, — сказал он.

Холден кивнул.

— Что ты хочешь сделать? — спросил он.

Алекс сделал вдох.

— Я хочу поговорить с лордом Старком. До отъезда. Но я не могу подойти. Я — слуга. Мальчик с кухни. Он не станет меня слушать.

Холден молчал. Потом сказал:

— Я знаю одного человека. Он — стражник. Он стоит у двери лорда. Он — мой друг. Может быть, он сможет... устроить встречу.

Алекс посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Я серьёзно, — сказал Холден. — Но это опасно. Если что-то пойдёт не так — мы оба умрём.

Алекс кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Но... это того стоит.

Холден смотрел на него. Долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я поговорю с ним. Сегодня. Завтра — ты поговоришь с лордом Старком.

Алекс кивнул. Сердце колотилось. Руки дрожали.

— Спасибо, — сказал он.

Холден покачал головой.

— Не благодари меня, — сказал он. — Благодарю, если выживешь.

XIII

Ночью Алекс не спал. Лежал в чулане, смотрел в потолок, думал.

Завтра. Завтра он поговорит с Недом Старком. С человеком, которого он знал десять лет. С человеком, которого он видел умирающим сотни раз. С человеком, которого он хотел спасти.

Он думал: «Что я скажу? Как я начну? „Милорд, я знаю, что вас убьют“? Он не поверит. Он подумает, что я сумасшедший. Или — хуже — что я шпион».

Он думал: «Может быть, сказать иначе? „Милорд, я слышал разговоры. Ланнистеры что-то замышляют. Будьте осторожны“. Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И я скажу... что?»

Он думал: «Может быть, сказать правду? Часть правды? „Джоффри — не сын Роберта“. Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И я скажу: „Я видел“. Он спросит: „Где?“ И я скажу... что?»

Он не знал. Он просто лежал и думал, и мысли ходили по кругу.

Но в какой-то момент он понял: он не может знать заранее. Он не может подготовить идеальную речь. Он не может предсказать, что скажет Нед. Он может только... быть. Говорить. Пытаться.

Он думал: «Мир живой. Люди не читают сценарий. Одно неверное слово — и всё изменится. Но это значит, что и правильное слово может изменить всё. Надо только найти его».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как воет ветер за окном, как скрипят половицы, как где-то далеко — в замке — кто-то ходит.

Он думал: «Завтра. Завтра я что-то сделаю. Что-то. Что угодно».

Он думал: «Ладно. Начнём».

И встал.

XIV

Утро было холодным и туманным. Алекс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза — над ним стоял Холден.

— Вставай, — сказал он тихо. — Пора.

Алекс встал. Натянул плащ. Вышел в коридор.

Холден вёл его через замок — через тёмные коридоры, через лестницы, через переходы. Алекс никогда не был в этой части Винтерфелла. Здесь было тише. Темнее. Пахло пылью и старым деревом.

Они остановились у двери. У двери стоял стражник — высокий, с суровым лицом.

— Это он? — спросил стражник, глядя на Алекса.

— Он, — сказал Холден.

Стражник смотрел на Алекса долго. Потом кивнул.

— Лорд Старк один. Но у вас мало времени. Если кто-то придёт — я скажу, что вы ушли.

Алекс кивнул. Сердце колотилось. Руки дрожали.

Стражник открыл дверь.

Алекс вошёл.

XV

Комната была большой. Тёмной. С окном, за которым был снег. У стола сидел человек. Высокий. С суровым лицом. С сединой в волосах.

Нед Старк.

Он поднял голову. Посмотрел на Алекса. В его глазах — усталость, боль, что-то ещё. Что-то, что Алекс не мог назвать.

— Ты кто? — спросил Нед. — И как ты сюда попал?

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Меня зовут Том, — сказал он. — Я работаю на кухне. И я... я здесь, чтобы предупредить вас.

Нед прищурился.

— Предупредить? О чём?

Алекс смотрел на него. На человека, которого он знал десять лет. На человека, которого он видел умирающим сотни раз. На человека, которого он хотел спасти.

И понял, что не знает, с чего начать.

— О Королевской Гавани, — сказал он наконец. — О короле. О... Ланнистерах.

Нед молчал. Свеча мерцала. Ветер выл за окном.

— Говори, — сказал он. — Я слушаю.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

И начал говорить.

XVI

Он говорил быстро. Тихо. Сбивчиво. Он рассказал о Джоне Аррене — о том, как его отравили. О письме Лизы — о том, что в нём написано. О бастардах Роберта — о том, что Джоффри, Мирцелла и Томмен не его дети. О Мизинце — о том, что он предаст. О Серсее — о том, что она пойдёт на всё, чтобы сохранить власть.

Он не рассказал всего. Не сказал о Красной Свадьбе. Не сказал о смерти Робба. Не сказал о Дейенерис. Это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.

Нед слушал. Молча. Не перебивая. Его лицо не менялось — оставалось суровым, спокойным, как северное небо. Но в глазах — Алекс видел — что-то происходило. Что-то, что он не мог назвать.

Когда Алекс закончил, Нед долго молчал. Смотрел в окно. На снег. На тьму.

— Ты говоришь, что Джоффри — не сын Роберта, — сказал он наконец. — Ты говоришь, что Джон Аррен был отравлен. Ты говоришь, что Мизинец предаст. — Он помолчал. — Откуда ты это знаешь?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не могу объяснить. Но я знаю. Я... видел.

— Видел? — Нед повернулся к нему. — Что ты видел?

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Я видел... будущее. Не здесь. Не в этом мире. Но видел. Я знаю, что произойдёт, если вы поедете в Королевскую Гавань. Я знаю, что вы умрёте. Я знаю, что ваша семья... пострадает. И я... я хочу это остановить.

Нед смотрел на него. Долго. Очень долго.

— Ты говоришь, что знаешь будущее, — сказал он медленно. — Ты говоришь, что я умру. Ты говоришь, что моя семья пострадает. Но ты не говоришь, откуда ты это знаешь. И почему я должен тебе верить.

Алекс опустил глаза.

— Вы не должны, — сказал он. — Я бы сам себе не поверил. Но я... я не знаю, как ещё это объяснить. Я знаю, что произойдёт. И я знаю, как это остановить. Или... думаю, что знаю.

Нед молчал. Потом медленно кивнул.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, я тебе верю. Что тогда? Что мне делать?

Алекс сделал вдох. Это был момент, к которому он готовился — мысленно, в блокноте, в восьми версиях плана. Но сейчас, глядя на живого Неда Старка, он понял, что все его планы были... теорией. А это была реальность.

— Во-первых, — сказал он. — Не ехать в Королевскую Гавань. Или... ехать, но не так. Не с семьёй. Не с девочками. Оставьте их здесь. В Винтерфелле. Они будут в безопасности.

Нед нахмурился.

— Король Роберт — мой друг, — сказал он. — Он просил меня приехать. Он хочет, чтобы я стал его десницей.

— Король Роберт умрёт, — сказал Алекс. — Скоро. Он умрёт на охоте. И тогда всё изменится. Если вы будете в Королевской Гавани, когда он умрёт, — вы будете в ловушке. Серсея захватит власть. Джоффри станет королём. И вы...

Он замолчал.

— И я умру, — закончил Нед. — Ты это уже говорил.

— Да, — сказал Алекс. — Но вы можете этого избежать. Вы можете... подготовиться. Собрать союзников. Написать Станнису. Поговорить с Ренли. Сделать так, чтобы, когда Роберт умрёт, у вас была поддержка.

Нед смотрел на него. В его глазах было что-то, чего Алекс не мог прочесть.

— Ты говоришь о предательстве, — сказал он тихо. — О заговоре против короля.

— Нет, — сказал Алекс. — Я говорю о выживании. О защите вашей семьи. О том, чтобы не дать Ланнистерам захватить трон.

Нед молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я не могу, — сказал он. — Я не могу строить заговоры. Я не могу предавать Роберта. Он мой друг. Он...

— Он умрёт, — сказал Алекс. — И вы не сможете его спасти. Но вы можете спасти себя. Своих детей. Свой дом.

Нед посмотрел на него. Долго. Очень долго.

— Ты говоришь, что знаешь будущее, — сказал он наконец. — Но ты не знаешь меня. Ты не знаешь, кто я. Я — Нед Старк. Я не предаю друзей. Я не строю заговоры. Я не...

Он замолчал. Встал. Подошёл к окну. Посмотрел на двор, на снег, на факелы.

— Я не могу быть тем, кем ты хочешь меня видеть, — сказал он тихо. — Я не могу быть... другим.

Алекс смотрел на его спину. На широкие плечи, на тяжёлый плащ, на меч на поясе.

— Я не хочу, чтобы вы были другим, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы были живым.

Нед не обернулся.

— Иногда, — сказал он, — быть живым — это не самое главное.

Алекс закрыл глаза.

Он вспомнил слова Неда из сериала. «Человек может быть храбрым только тогда, когда ему есть что терять». И ещё: «Всё, что говорит человек перед смертью, имеет значение».

Нед был человеком чести. Это была его сила. И его слабость.

— Тогда позвольте мне помочь, — сказал Алекс. — Позвольте мне сделать то, что вы не можете. Позвольте мне быть... вашей тенью. Вашим... советником. Тем, кто сделает грязную работу, чтобы вы остались чистым.

Нед обернулся. Посмотрел на него.

— Ты предлагаешь мне стать... кем? — спросил он. — Тем, кто будет плести интриги за моей спиной?

— Я предлагаю вам выжить, — сказал Алекс. — И сохранить свою семью. Любой ценой.

Нед смотрел на него. Молчал.

Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я тебя выслушаю. Но я не обещаю, что соглашусь.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

XVII

Алекс вышел из комнаты. Стражник закрыл дверь. Холден ждал в коридоре.

— Ну? — спросил он тихо.

Алекс посмотрел на него.

— Он выслушал, — сказал он. — Не знаю, поверил ли. Но выслушал.

Холден кивнул.

— Это уже больше, чем я ожидал, — сказал он. — Пойдём. Надо вернуться на кухню, пока нас не хватились.

Они пошли обратно — через тёмные коридоры, через лестницы, через переходы. Алекс шёл и думал: «Он выслушал. Он не прогнал. Он не казнил. Он выслушал».

Он думал: «Это только начало. Дальше будет сложнее. Но это — начало».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Они вернулись на кухню. Морна ворчала, что их не было так долго. Бет и Джейн перешёптывались. Пайк смотрел с любопытством.

Алекс вернулся к работе. Чистил овощи. Мыл котлы. Таскал воду.

Руки делали. Тело двигалось. И это было спасением.

Но в голове крутились слова Неда: «Я тебя выслушаю. Но я не обещаю, что соглашусь».

Алекс думал: «Он не обещал. Но он выслушал. И это — больше, чем ничего».

Он думал: «Мир живой. Люди не читают сценарий. Одно неверное слово — и всё изменится. Но это значит, что и правильное слово может изменить всё. Надо только найти его».

Он думал: «Я найду. Я найду его. Рано или поздно».

XVIII

Вечером Алекс сидел на кухне — один, в углу, у остывающего очага. Все уже разошлись. Только Холден остался — он мыл котлы, медленно, устало.

— Ты сегодня сам не свой, — сказал Холден, не оборачиваясь. — Что-то случилось?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я поговорил с лордом Старком.

Холден обернулся. Посмотрел на него.

— И?

— Он выслушал. Не знаю, поверил ли. Но выслушал.

Холден молчал. Потом медленно кивнул.

— Это хорошо, — сказал он. — Это... больше, чем я ожидал.

Алекс кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Но... я не знаю, что будет дальше. Он не обещал ничего. Он сказал, что выслушает. Но...

— Но это уже что-то, — сказал Холден. — Это уже... начало.

Алекс посмотрел на него.

— Ты думаешь?

— Я думаю, — сказал Холден, — что ты сделал больше, чем кто-либо другой мог сделать. Ты — мальчик с кухни. Ты не лорд. Не рыцарь. Не мейстер. Но ты... ты попытался. И это... это важно.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Спасибо.

Холден кивнул.

— Не благодари меня, — сказал он. — Благодарю, если выживешь.

Алекс чуть не засмеялся. Чуть.

— Ладно, — сказал он. — Я запомню.

XIX

Ночью Алекс лежал в чулане и смотрел в потолок. Балки были тёмными, покрытыми копотью. Где-то скрипела дверь. Где-то лаяла собака. Где-то — далеко — выл ветер.

Он думал о том, что произошло. О том, что он сказал. О том, что Нед — живой, настоящий — слушал его. Не прогнал. Не казнил. Слушал.

Он думал о том, что план — версия восьмая — не сработал. Не потому, что был плохим. А потому, что он был... неправильным. Он думал о Неде как о задаче. Как о персонаже. Как о человеке, которого можно спасти, если правильно расставить фигуры на доске.

Но Нед был не фигурой. Он был человеком. С принципами. С честью. С упрямством, которое было сильнее здравого смысла.

Алекс думал о том, что он сам — не герой. Он не воин. Не лорд. Не стратег. Он — инженер-программист из Москвы, который знает сюжет сериала и думает, что этого достаточно.

Но этого было недостаточно.

Он думал о том, что теперь ему придётся... делать. Не планировать. Не мечтать. Делать. Говорить с людьми. Убеждать. Врать. Может быть — убивать.

Он думал о том, что он не готов. Что он никогда не будет готов.

Но он был здесь. И Нед Старк был жив. И это было... началом.

Он закрыл глаза.

За окном — за бойницей — начинался рассвет. Серый, холодный, медленный. Снег падал с неба — крупный, мягкий, — и Винтерфелл просыпался.

Алекс не спал. Он думал о том, что будет дальше. О том, как он будет убеждать Неда. Как он будет говорить с Кейтилин. Как он будет смотреть в глаза Сансе, Арье, Роббу — людям, которых он знал как персонажей, но которые были живыми.

Он думал о том, что его действия изменят всё. Не так, как он планировал. Не так, как он хотел. А по-другому. Непредсказуемо. Опасно.

И он думал о том, что это — правильно.

Потому что мир был живым. Потому что люди были не персонажами. Потому что одно неверное слово — и всё изменится.

Алекс открыл глаза. Посмотрел на потолок. На балки. На копоть.

— Ладно, — сказал он тихо. — Начнём.

И встал.

XX

Утро было суматошным. Нед уезжал. Все бегали, кричали, таскали сундуки. Алекс работал — таскал воду, рубил дрова, чистил котлы. Руки делали, тело двигалось, и это было спасением.

Но в какой-то момент — ближе к полудню — он оказался во дворе. С мешком муки на плече. И увидел Арию.

Она стояла у стены, с мечом в руке. Смотрела на него.

Алекс остановился.

— Ты уезжаешь? — спросила Ария.

— Нет, — сказал Алекс. — Я остаюсь. На кухне.

Ария кивнула. Помолчала. Потом сказала:

— Мой отец уезжает. В Королевскую Гавань.

— Я знаю.

— Он сказал, что ты с ним говорил. О том, что на юге опасно.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Он сказал?

— Он сказал, что выслушал тебя. И что... он подумает.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Это... хорошо.

Арья смотрела на него. Долго.

— Ты странный, Том с кухни, — сказала она. — Но ты... ты хороший. Я это вижу.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Если ты что-то узнаешь — скажи мне. Я не ребёнок. Я справлюсь.

Алекс кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я скажу.

Арья убежала. Алекс смотрел ей вслед. И думал: «Вот она. Первая. Первая, кто мне поверил. Первая, кто может помочь».

Он поднял мешок и пошёл дальше. Через двор. К кухне. К работе.

Он думал: «Нед уезжает. Но он выслушал. Он подумает. Это — начало».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Он думал: «Ладно. Начнём».

И сделал шаг вперёд. В Винтерфелл. В будущее. В начало.

Конец главы 3.

Глава 4. Тайны Винтерфелла

I

Алекс не спал. Он лежал в чулане на жёстких досках, укрытый тяжёлым плащом, и смотрел в потолок. Балки были тёмными, покрытыми копотью, и в углу — прямо над его головой

— висела паутина, в которой запуталась мёртвая муха. Он смотрел на эту муху и думал: вот и я. Запутался. Жужжу. Бьюсь о стекло. А стекло — толстое. И снаружи — никто не слышит.

Разговор с Недом закончился несколько часов назад. Или больше. Алекс потерял счёт времени. Он помнил только лицо Неда — суровое, усталое, с этими серыми глазами, которые видели слишком много и слишком мало. Помнил его голос: «Я тебя выслушаю. Но я не обещаю, что соглашусь». Помнил, как вышел из кабинета, как Холден ждал в коридоре, как они шли обратно через тёмные переходы Винтерфелла.

А потом — кухня. Работа. Руки делали, тело двигалось. И это было спасением. Потому что когда он работал, он не думал. А когда не думал — не боялся.

Но сейчас он лежал в темноте, и мысли возвращались. Одна за другой. Как волны на берег.

«Он выслушал. Но не обещал. Что это значит? Что он сделает? Поедет в Королевскую Гавань? Или останется? Или... пошлёт за мной стражу?»

Алекс перевернулся на бок. Плащ был колючим, пах дымом и мокрой шерстью. Где-то в замке скрипнула дверь. Где-то завыл ветер. Где-то — далеко — залаяла собака.

«Я не знаю, что будет. Я не могу знать. Я могу только... ждать. И надеяться. И это — самое худшее. Потому что я никогда не умел ждать. Я привык, что всё можно проверить. Отладить. Запустить заново. А здесь... здесь нет консоли. Нет логов. Нет отката. Есть только люди. И их выбор. И моё слово — которое может всё изменить. Или не изменить ничего».

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как Винтерфелл дышит — скрипом половиц, шорохом крыс, далёкими голосами, — и думал о том, что завтра будет новый день. И в этом дне ему придётся что-то делать.

Он не знал, что именно. Но он знал, что не сдастся.

II

Утро началось с крика петуха — хриплого, злого, как будто петух тоже не выспался. Алекс открыл глаза. Потолок был тот же — тёмные балки, паутина, мёртвая муха. Он сел. Спина затекла. Шея хрустнула. Он потянулся — медленно, осторожно — и встал.

На кухне уже кипела жизнь. Морна стояла у очага — прямая, как палка, с лицом, которое не обещало ничего хорошего. Бет и Джейн месили тесто — молча, сосредоточенно. Пайк чистил котёл — с таким видом, будто это было самое интересное занятие в его жизни. Холден резал овощи — медленно, устало, как человек, который делал это тысячу раз и готов делать ещё тысячу.

Алекс вошёл. Морна посмотрела на него — коротко, оценивающе.

— Ты выглядишь как дерьмо, — сказала она.

— Спасибо, — сказал Алекс.

— Это не комплимент. Это наблюдение. — Она сунула ему в руки ведро. — Вода. Живо. И потом — дрова. У нас заканчиваются.

Алекс кивнул и пошёл за водой. Руки делали. Тело двигалось. Это было спасением.

Колодец был во дворе — старый, каменный, с воротом, который скрипел так, будто его никогда не смазывали. Алекс крутил ворот, и ведро поднималось — медленно, тяжело, — и вода в нём была холодной, тёмной, с каким-то металлическим привкусом. Он набрал два ведра, понёс на кухню. Потом ещё два. Потом ещё.

На третьем или четвёртом рейсе он увидел Мизинца.

Тот стоял у стены конюшни — невысокий, в дорогом плаще, с хитрой улыбкой на губах. Рядом с ним — человек в тёмном плаще, тот самый, которого Алекс видел после падения Брана. Они говорили тихо. Мизинец что-то сказал — и человек в тёмном плаще кивнул. Потом Мизинец посмотрел на башню — ту самую, с которой упал Бран. Посмотрел долго. Задумчиво.

Алекс остановился. Ведро в руках стало тяжёлым.

«Он здесь. Почему он здесь? В сериале он уехал с кортежем. Он не оставался в Винтерфелле. Или оставался? Я не помню. Может быть, оставался. Может быть, было что-то ещё. Что-то, что я пропустил».

Он смотрел на Мизинца и чувствовал, как что-то холодное и острое поднимается в груди. Не гнев. Гнев был бы слишком простым. Это было... понимание. Вот он. Человек, который — Алекс знал это из сериала, из книг, из тысячи обсуждений на форуме — стоит за всем. За письмом Лизы. За смертью Джона Аррена. За падением Брана. За всем, что случится.

И он — здесь. В Винтерфелле. Рядом с Кейтилин. Рядом с детьми. Рядом с Недом.

Алекс отвернулся. Поднял ведро. Пошёл дальше. Но краем глаза — краем сознания — он продолжал следить. Мизинец отошёл от стены конюшни. Направился к замку. Алекс проводил его взглядом — и запомнил.

III

Днём Алекс относил еду в покои Кейтилин. Морна сказала:

— Леди не ест. С тех пор, как мальчик упал. Отнеси. Поставь у двери. Не входи. Понял?

Алекс кивнул. Взял поднос — хлеб, сыр, кувшин вина, что-то горячее в миске, — и пошёл.

Коридор был длинным, тёмным, с факелами на стенах. У двери покоев Кейтилин стояли двое стражников — молодых, скушающих. Они посмотрели на Алекса. Один кивнул: «Оставь у двери». Алекс поставил поднос. Но не ушёл.

Он слышал голоса. Из-за двери. Приглушённые, но различимые.

— ...понимаю вашу боль, леди Кейтилин. Но вы должны думать о безопасности детей.

Голос был мужской. Вкрадчивый. С южным акцентом. Мизинец.

Алекс замер. Стражники не обращали на него внимания — они смотрели в другую сторону, о чём-то переговаривались. Алекс отступил на шаг. Потом ещё на шаг. Прижался спиной к стене — в нише, где висел гобелен с каким-то выцветшим волком. Замер.

— Что вы хотите сказать, Петир? — Голос Кейтилин. Холодный. Усталый. Но не враждебный. Пока.

— Только то, что я — ваш друг. Я всегда был вашим другом. — Мизинец говорил мягко, почти нежно. — Я помню вас ещё девочкой. В Риверране. Вы были... вы были самой красивой. И самой доброй. И я... я всегда хотел вам помочь. Чем мог.

— Это было давно, Петир.

— Для меня — нет. Для меня это было... вчера. — Пауза. — Но я говорю не о прошлом. Я говорю о настоящем. Лорд Старк уезжает. Завтра. С королём. В Королевскую Гавань. А вы остаётесь здесь. Одна. С четырьмя детьми. И один из них — при смерти.

— Я знаю, — сказала Кейтилин. Голос дрогнул. Чуть-чуть. — Я знаю, что он уезжает. Я знаю, что остаюсь. Я знаю, что Бран... — Она замолчала.

— Я могу помочь, — сказал Мизинец. — У меня есть связи в Королевской Гавани. Люди. Я могу... присмотреть за лордом Старком. Убедиться, что с ним ничего не случится. Что он... в безопасности.

— Вы предлагаете следить за моим мужем?

— Я предлагаю защиту. — Голос Мизинца стал тише. — Ланнистеры... они не прощают. И они не забывают. Если что-то случится с лордом Старком — вы должны знать. Заранее. Чтобы подготовиться. Чтобы... защитить детей.

Пауза. Алекс стоял в нише, не дыша. Сердце колотилось так, что он слышал его — громко, в ушах.

— И что вы хотите взамен? — спросила Кейтилин.

— Взамен? — Мизинец засмеялся. Тихо, мягко. — Леди Кейтилин, вы раните меня. Я просто хочу помочь. Но... — он помолчал. — Если вы настаиваете — я был бы признателен за ваше доверие. И за... небольшую услугу. Письмо. Лорду Старку. О том, что я — друг. Что мне можно доверять. Что я... на вашей стороне.

Алекс почувствовал, как холодеет спина. Вот оно. Вот что он делает. Мизинец хочет, чтобы Кейтилин написала письмо Неду. Письмо, которое скажет: «Доверяй Мизинцу». И если Нед получит такое письмо — он может довериться. И тогда всё кончится ещё хуже, чем в сериале. Потому что Мизинец — не друг. Он — игрок. И он играет, чтобы выиграть. Всегда.

— Я подумаю, Петир, — сказала Кейтилин. Голос был ровным. Но Алекс слышал — в нём была трещина. Усталость. Боль. Сомнение. — А теперь оставьте меня. Я устала.

— Конечно, леди Кейтилин. Конечно. — Шаги. — Если я вам понадоблюсь — я здесь. Всегда.

Дверь открылась. Алекс отпрянул в тень — глубоко, в самую стену, за гобелен. Мизинец вышел. Прошёл мимо — так близко, что Алекс почувствовал запах его духов: что-то пряное, южное, сладкое. Мизинец не посмотрел в его сторону. Он улыбался. Улыбался так, как улыбается человек, который только что сделал ход — и ход был хорошим.

Он ушёл. Шаги стихли. Алекс стоял за гобеленом, и сердце колотилось, и руки дрожали, и в голове крутилось: «Он делает это. Он уже делает это. Не когда-то потом — сейчас. И если я не остановлю — он получит письмо. И Нед доверится. И...»

Он не знал, что будет дальше. Но он знал, что это — плохо.

IV

Алекс вернулся на кухню. Молча. Поставил пустой поднос. Морна посмотрела на него — коротко, оценивающе.

— Леди поела?

— Не знаю, — сказал Алекс. — Я оставил у двери.

Морна хмыкнула.

— Ладно. Иди. Работай.

Алекс работал. Таскал воду. Рубил дрова. Чистил котлы. Руки делали. Тело двигалось. Но в голове — крутилось. Одна мысль за другой.

«Мизинец хочет письмо. Кейтилин думает. Нед уезжает завтра. Если он уедет без предупреждения — он умрёт. Если Мизинец получит письмо — он получит власть. Над Кейтилин. Над Недом. Над всем».

Он думал: «Я не могу ждать. Нед уезжает завтра. Завтра. Если я ничего не сделаю сегодня — будет поздно».

Он думал: «Я должен что-то сделать. Сейчас. До отъезда. Любой ценой».

Но что? Что он мог сделать? Он — слуга. Мальчик с кухни. У него нет власти. Нет оружия. Нет связей. Только знание — и оно бесполезно, если ты не знаешь, как его применить.

Он думал: «Может быть, поговорить с Кейтилин? Но она не станет слушать слугу. Она — леди Винтерфелла. Она — жена Неда. Она...»

Он думал: «Может быть, поговорить с Джоном? Но Джон — бастард. У него нет власти. И он не поверит».

Он думал: «Может быть, написать записку? Но кто поверит записке? И как я передам её Неду? И что если её перехватят?»

Он не знал. Он просто работал и думал, и мысли ходили по кругу. Как лошадь на привязи. Как белка в колесе. Как он сам — в чулане, в темноте, в чужом мире.

V

Вечером Алекс сидел на кухне — один, в углу, у остывающего очага. Все уже разошлись. Только Холден остался — он мыл котлы, медленно, устало.

Алекс смотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Холден.

Тот обернулся. Посмотрел на него.

— Чего?

— Мне нужно... — Алекс запнулся. — Мне нужно поговорить с тобой. Это... важно.

Холден отложил тряпку. Сел напротив. Посмотрел на Алекса внимательно.

— Говори.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один. Потом сказал:

— Я знаю, что ты не веришь мне. И я знаю, что я — странный. Но... я знаю вещи. О будущем. О том, что случится. И... я не могу просто сидеть и смотреть. Я должен что-то сделать.

Холден молчал. Смотрел на него. Долго.

— Что ты знаешь? — спросил он тихо.

— Лорд Старк умрёт, — сказал Алекс. — Если поедет в Королевскую Гавань. Его казнят. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Ланнистеры... они захватят власть. И всё... всё рухнет.

Холден молчал. Очень долго. Потом сказал:

— Откуда ты это знаешь?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не могу объяснить. Но я знаю. И я... я хочу помочь. Но я не знаю как.

Холден смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты странный, Том, — сказал он. — Очень странный. Но... — он помолчал. — Я тебе верю. Почему-то. Может быть, потому что ты смотришь на всех так, как будто знаешь что-то, чего не знают другие. Может быть, потому что ты не врешь. Не знаю.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Облегчение? Нет. Что-то другое. Что-то более сложное.

— Спасибо, — сказал он.

Холден кивнул.

— Что ты хочешь сделать? — спросил он.

Алекс сделал вдох.

— Я хочу написать записку. Лорду Старку. Предупредить его. О том, что будет. О том, что Ланнистеры... что Мизинец...

Холден нахмурился.

— Записку? — переспросил он. — Ты хочешь написать записку лорду Старку?

— Да.

— И как ты её передашь?

— Я... не знаю. Через стражника. Через кого-то. Может быть, через тебя.

Холден молчал. Потом сказал:

— Это опасно.

— Я знаю.

— Если Мизинец узнает...

— Я знаю.

Холден смотрел на него. Долго.

— У тебя есть бумага? — спросил он наконец.

— Нет.

— Перо? Чернила?

— Нет.

Холден вздохнул. Потом встал. Подошёл к полке в углу — там, где хранились специи и какие-то старые вещи. Порummaged. Достал старый лист бумаги — пожелтевший, с загнутыми краями. Огрызок пера. Баночку чернил — почти пустую.

— Держи, — сказал он. — Но не говори, что это я дал.

Алекс взял. Руки дрожали.

— Спасибо, — сказал он.

Холден кивнул.

— Не благодари меня, — сказал он. — Благодарю, если выживешь.

VI

Ночью Алекс сидел в чулане. На коленях — лист бумаги. В руке — перо. Рядом — баночка чернил. Свеча — маленькая, почти догоревшая — стояла на полу, отбрасывая неровный свет на стены.

Он не знал, что писать. Он знал так много — и так мало. Он знал, что Джоффри — не сын Роберта. Знал, что Джон Аррен был отравлен. Знал, что Мизинец предаст. Знал, что Нед умрёт, если поедет в Королевскую Гавань. Знал, что война начнётся. Знал, что всё рухнет.

Но как это сказать? Как уложить это в несколько строк? Как заставить Неда поверить?

Он думал: «Если я напишу слишком много — он подумает, что я сумасшедший. Если слишком мало — он не поймёт. Если я напишу „Джоффри — не сын Роберта“ — он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И что я отвечу?»

Он думал: «Может быть, не писать всего? Только самое главное? „Не доверяй Мизинцу. Не доверяй Ланнистерам. В Королевской Гавани тебя ждёт смерть“. Но кто поверит анонимной записке? И как я её передам?»

Он думал: «А что если Нед покажет записку Мизинцу? Что если он подумает, что это ловушка? Что если он...»

Он остановил себя. Нет. Он не может знать. Он может только попытаться.

Он взял перо. Обмакнул в чернила. Начал писать.

«Лорд Старк».

Буквы были кривыми. Рука Тома помнила, как держать перо, но Алекс — нет. Чернила капали. Он вытирал их рукавом. Писал дальше.

«Джоффри — не сын Роберта. Его отец — Джейме. Джон Аррен отравлен. Мизинец знает. Мизинец предаст. Не доверяй ему. Не доверяй Ланнистерам. В Королевской Гавани тебя ждёт смерть. Будь осторожен. Друг».

Он посмотрел на написанное. Криво. Коряво. Но — понятно. Он сложил лист. Спрятал за пазуху. Лёг. Сон не шёл.

Он лежал и смотрел в потолок, и думал: «Завтра. Завтра я передам это Неду. И будь что будет».

VII

Утро было холодным и туманным. Алекс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза — над ним стоял Холден.

— Вставай, — сказал он тихо. — Пора.

Алекс встал. Натянул плащ. Вышел в коридор.

Холден вёл его через замок — через тёмные коридоры, через лестницы, через переходы. Алекс никогда не был в этой части Винтерфелла. Здесь было тише. Темнее. Пахло пылью и старым деревом.

Они остановились у двери. У двери стоял стражник — высокий, с суровым лицом.

— Это он? — спросил стражник, глядя на Алекса.

— Он, — сказал Холден.

Стражник смотрел на Алекса долго. Потом кивнул.

— Лорд Старк один. Но у вас мало времени. Если кто-то придёт — я скажу, что вы ушли.

Алекс кивнул. Сердце колотилось. Руки дрожали.

Стражник открыл дверь.

Алекс вошёл.

VIII

Комната была большой. Тёмной. С окном, за которым был снег. У стола сидел человек. Высокий. С суровым лицом. С сединой в волосах.

Нед Старк.

Он поднял голову. Посмотрел на Алекса. В его глазах — усталость, боль, что-то ещё. Что-то, что Алекс не мог назвать.

— Ты, — сказал Нед. Это был не вопрос.

— Милорд, — сказал Алекс. — Я... я должен оставить вам это.

Он протянул записку. Нед взял. Посмотрел на неё. Потом на Алекса.

— Что это?

— Прочитайте. Пожалуйста. Когда будете один. И... уничтожьте. После того, как прочитаете.

Нед смотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо.

Алекс вышел. Стражник закрыл дверь. Холден ждал в коридоре.

— Ну? — спросил он тихо.

Алекс посмотрел на него.

— Он взял, — сказал он. — Не знаю, прочитает ли. Но взял.

Холден кивнул.

— Это уже больше, чем я ожидал, — сказал он. — Пойдём. Надо вернуться на кухню, пока нас не хватились.

Они пошли обратно — через тёмные коридоры, через лестницы, через переходы. Алекс шёл и думал: «Он взял. Он не прогнал. Он не казнил. Он взял».

Он думал: «Это только начало. Дальше будет сложнее. Но это — начало».

Они вернулись на кухню. Морна ворчала, что их не было так долго. Бет и Джейн перешёптывались. Пайк смотрел с любопытством.

Алекс вернулся к работе. Чистил овощи. Мыл котлы. Таскал воду.

Руки делали. Тело двигалось. И это было спасением.

IX

Это случилось ближе к полудню.

Алекс вышел во двор — вылить грязную воду из ведра. Двор был пустым. Только снег, камень, серое небо. Он вылил воду. Поставил ведро. Повернулся.

И увидел его.

Молодой парень. Лет двадцати. В ливрее — не Старков, не Баратеонов. Что-то другое. Тёмно-зелёное с золотом. Люди Мизинца.

Парень шёл прямо к нему. Быстро. Целенаправленно. В руках — что-то белое. Бумага.

Записка.

Алекс почувствовал, как кровь отливает от лица.

Парень остановился в двух шагах. Улыбнулся. Улыбка была нехорошей.

— Ты — Том? — спросил он.

Алекс молчал.

— Том с кухни? — Парень поднял записку. — Это ты оставил у двери лорда Старка?

Алекс смотрел на записку. На свой почерк. На кривые буквы. На свою смерть.

— Я... не знаю, о чём ты, — сказал он.

Парень засмеялся. Тихо, безрадостно.

— Не ври. Я видел, как ты выходил. Лорд Бейлиш хочет знать, что здесь написано. — Он развернул записку. Прочитал. Улыбка исчезла. — Ты знаешь, что бывает с теми, кто пишет такие письма?

Алекс молчал.

— Лорд Бейлиш захочет с тобой поговорить, — сказал парень. — Пойдём.

Он шагнул вперёд. Протянул руку — схватить Алекса за плечо.

Алекс не думал. Просто побежал.

Он рванулся в сторону — мимо парня, мимо конюшни, мимо стены. Парень крикнул что-то вслед. Алекс не слушал. Он бежал — через двор, через какие-то ворота, через узкий проход между стенами. Сердце колотилось. Лёгкие горели. Ноги скользили по снегу.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал. Подальше. От парня. От Мизинца. От всего.

Он завернул за угол — и чуть не столкнулся с Холденом.

— Том! — Холден схватил его за плечи. — Ты чего? Что случилось?

— Записка, — выдохнул Алекс. — Они... перехватили. Люди Мизинца. Они знают. Они ищут меня.

Холден побледнел.

— Быстро. За мной.

Х

Он спрятал его в подвале. За бочками с вином — там была ниша, узкая, тёмная, но достаточно большая, чтобы в ней поместился человек. Алекс забился в неё. Прижался спиной к холодной стене. Слушал.

Сверху — шаги. Голоса.

— Мальчишка с кухни. Где он?

— Ушёл, — голос Холдена. Спокойный. — Ещё утром. Сбежал.

— Лжёшь.

— Я повар. Мне нет дела до чужих тайн. Он ушёл. Всё.

Пауза. Потом — шаги. Стихающие.

Алекс сидел в темноте. Дрожал. Думал: «Я провалился. Я всё испортил. Записка у Мизинца. Нед не получил предупреждение. И теперь меня ищут».

Он вспомнил форум. «Одно неверное слово — и ты уже не спасаешь Неда, а объясняешь Псу, почему у тебя странный акцент».

Он думал: «Я даже не дошёл до Пса. Я провалился на первом шаге».

Он думал: «Слуга. Тот парень. Что с ним будет? Мизинец не любит свидетелей. Он...»

Он не мог думать об этом. Это было слишком. Слишком тяжело.

Он сидел в темноте и слушал, как где-то наверху — далеко — ходят люди. Ищут его. И он думал: «Что теперь? Что мне делать? Я не могу выйти. Не могу вернуться на кухню. Не могу...»

Он закрыл глаза. В голове было пусто. И страшно. И холодно.

XI

Холден пришёл ночью. Принёс хлеб и воду. Сел рядом — на корточки, в темноте.

— Тише, — сказал он. — Они всё ещё ищут. Мизинец злится. Говорит, что кто-то пытался... что-то сделать. Не знаю что. Но он в ярости.

Алекс посмотрел на него.

— Записка. Что с ней?

Холден помолчал.

— Не знаю. Мизинец забрал её. Слуга, который тебя видел... — он замолчал.

— Что? — спросил Алекс. — Что с ним?

Холден смотрел на него. Долго.

— Его больше нет, — сказал он тихо. — Мизинец не любит свидетелей.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Слуга. Молодой парень. Лет двадцати. Мёртв. Из-за него.

— Я убил его, — сказал Алекс. Голос был чужим. Хриплым. — Я не хотел. Но я убил.

— Ты не убил, — сказал Холден. — Мизинец убил. Ты — просто... попытался. И это... это важно. Но теперь ты должен быть умнее. Ты не можешь просто... писать записки. Ты должен найти другой способ.

— Какой? — спросил Алекс.

Холден молчал. Потом сказал:

— Не знаю. Но ты должен. Потому что если ты сдашься — тот парень умер зря.

Он встал. Ушёл. Алекс остался один. В темноте. С хлебом и водой. И с мыслью, которая не давала покоя: «Тот парень умер зря. Или — не зря. Если я найду способ. Если я что-то сделаю. Если я...»

Он не знал. Он просто сидел в темноте и слушал, как где-то наверху — далеко — ходят люди. Ищут его. И он думал: «Я не могу писать записки. Мизинец перехватит. Я не могу подойти к Неду — Мизинец узнает. Я не могу... ничего. Я — никто. Мальчик с кухни. И я провалился».

Но потом он подумал: «Нет. Я не провалился. Я попытался. И я узнал: Мизинец следит. Мизинец знает. Мизинец боится. Если он боится — значит, он не всемогущ. Значит, у меня есть шанс».

Он подумал: «Мне нужен другой способ. Не записка. Не прямой разговор. Что-то... другое. Что-то, что Мизинец не сможет перехватить».

Он вспомнил Арья. «Она может помочь. Она — Старк. Она может передать. Но что? И как?»

Он вспомнил Джона. «Он — бастард. Но он — сын Неда. Нед доверяет ему».

Он вспомнил Холдена. «Он — повар. Но он — уважаемый. Он знает всех».

Он подумал: «Мне нужен союзник. Кто-то, кто имеет доступ к Неду. Кто-то, кому Нед доверяет. Кто-то, кто не побоится...»

Он остановился. Подумал: «Джон. Джон Сноу. Он — бастард. Он — в стороне. Он — одинок. Он может выслушать. Он может поверить. Он может...»

Он решил: завтра. Завтра он найдёт Джона. Поговорит с ним. Не записка. Не аноним. Лицом к лицу. И если Джон поверит — он передаст Неду. Не как слуга. Как сын.

XII

Утро началось с шагов. Сверху. Быстрых. Холден. Он спустился в подвал — запыхавшийся, с бледным лицом.

— Том. Том, ты здесь?

— Здесь, — сказал Алекс.

Холден подошёл. Сел на корточки.

— Лорд Старк уехал, — сказал он. — Полчаса назад. С королём. С девочками... нет, девочки остались. Санса и Арья — здесь. Нед оставил их. Как ты и говорил.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Облегчение? Нет. Что-то другое.

— Он послушал, — сказал он. — Частично. Он оставил девочек. Это... это что-то.

Холден кивнул.

— Мизинец тоже уехал. С кортежем. Но его люди остались. Они ищут тебя. Ты не можешь выйти. Пока.

— Сколько? — спросил Алекс. — Сколько мне ждать?

— Не знаю. День. Может, два. Пока они не решат, что ты сбежал.

Алекс кивнул.

— Ладно. Я подожду.

Холден ушёл. Алекс остался один. Смотрел в потолок. Думал: «Нед уехал. Но он оставил девочек. Он послушал. Частично. Это — начало. Я найду Джона. Я поговорю с ним. Я...»

Он закрыл глаза. Сон пришёл медленно, неохотно. Но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лезет на башню.

XIII

Он проснулся от холода. И от звука. Голоса. Сверху.

— Он здесь. Я знаю. Я видел, как повар спускался.

Алекс замер. Сердце колотилось. Он узнал голос. Тот парень. Слуга Мизинца. Или другой. Неважно. Они знали.

Шаги. Медленные. Осторожные. Спускаются по лестнице.

Алекс вжался в стену. Ниша была узкой. Тёмной. Но не достаточно тёмной. Не достаточно узкой.

— Том! — Голос был ближе. — Выходи. Лорд Бейлиш хочет поговорить. Он не сердится. Он просто хочет... понять.

Алекс молчал. Дышал тихо. Медленно. Он слышал, как шаги приближаются. Как кто-то отодвигает бочки.

— Том...

Он не думал. Просто действовал. Выскользнул из ниши — за спину парня, — и побежал. Вверх по лестнице. Через кухню. Через двор.

Парень кричал что-то вслед. Алекс не слушал. Он бежал.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал. Через двор. Через ворота. Через какие-то переходы. Он не знал Винтерфелл. Не знал, где можно спрятаться. Он просто бежал.

И завернул за угол — и столкнулся с кем-то.

Маленькая фигурка. Растрёпанные волосы. Грязное платье. Меч на поясе.

Арья.

Она посмотрела на него. Потом на кого-то за его спиной. Потом снова на него.

— Том? — сказала она. — Что случилось?

Алекс не мог говорить. Не мог дышать. Просто стоял и смотрел на неё.

Арья выглянула из-за его плеча. Увидела парня — тот уже почти догнал. Её лицо изменилось. Стало жёстким. Взрослым.

— За мной, — сказала она.

И побежала. Алекс — за ней.

XIV

Она привела его в какое-то место. Тёмное. Узкое. Между стенами. Там было холодно. И пахло сыростью. Но там было безопасно.

— Здесь не найдут, — сказала Арья. — Это старый ход. Я его нашла. Никто не знает.

Алекс сел на пол. Прижался спиной к стене. Дышал тяжело. Сердце колотилось.

Арья села напротив. Смотрела на него. Долго.

— Ты в беде, — сказала она. Это был не вопрос.

— Да, — сказал Алекс.

— Кто тебя ищет?

— Люди Мизинца.

Арья нахмурилась.

— Мизинца? Почему?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я написал записку. Твоему отцу. Предупредил его. О том, что на юге опасно. О том, что Ланнистеры... что Мизинец...

Арья смотрела на него. Долго.

— Ты знаешь что-то, — сказала она. — Что-то, чего не знают другие.

— Да.

— Что?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая через несколько месяцев будет прятаться в подворотнях Королевской Гавани. На девочку, которая потеряет отца, мать, брата. На девочку, которая станет убийцей.

Он думал: «Может быть, ей сказать? Может быть, она поймёт? Она — Старк. Она — сильная».

— Твой отец умрёт, — сказал он. — Если ничего не сделать. Его казнят. В Королевской Гавани. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Мизинец... он предаст. Он уже предаёт.

Арья молчала. Смотрела на него. В её глазах было что-то, чего Алекс не мог прочесть.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец.

— Я... видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Арья молчала. Потом медленно кивнула.

— Я тебе верю, — сказала она. — Почему-то. Ты странный. Но ты не врешь.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди. Облегчение? Нет. Что-то другое. Что-то более сложное.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что мы будем делать?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что сказала «мы».

— Я не знаю, — сказал он. — Но... я думаю, нам нужен Джон.

— Джон? — Арья прищурилась. — Почему Джон?

— Он — сын твоего отца. Нед доверяет ему. Если Джон скажет... если он передаст... — Алекс замолчал. — Твой отец уже уехал. Но Джон может написать ему. Письмо. От себя. Не от меня. Он может сказать что-то, что твой отец послушает.

Арья смотрела на него. Долго.

— Джон уезжает, — сказала она. — На Стену. Он... он хочет вступить в Ночной Дозор.

Алекс почувствовал, как что-то обрывается внутри. Джон уезжает. На Стену. Скоро. Может быть, уже завтра. Может быть, сегодня.

— Когда? — спросил он.

— Не знаю. Скоро. — Арья помолчала. — Но я могу его найти. До того, как он уедет.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что предложила помощь. На девочку, которая была готова рискнуть.

— Хорошо, — сказал он. — Найди его. Приведи сюда. Если сможешь.

Арья кивнула. Встала.

— Я вернусь, — сказала она. — Скоро.

И убежала. Алекс остался один. В темноте. В холоде. И думал: «Может быть, это сработает. Может быть, Джон послушает. Может быть...»

Он не знал. Но он надеялся. Впервые за долгое время — надеялся.

XV

Арья вернулась через час. Или два. Алекс потерял счёт времени. Она пришла не одна. С ней был Джон.

Он был высоким. Тёмные волосы. Мрачное лицо. Тяжёлый плащ. Он смотрел на Алекса с настороженностью. И с чем-то ещё. С чем-то, что Алекс не мог назвать.

— Это он? — спросил Джон. Голос был низким. Усталым.

— Он, — сказала Арья. — Его зовут Том. Он с кухни. И он... он знает вещи.

Джон смотрел на Алекса. Долго.

— Какие вещи? — спросил он.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один. Потом сказал:

— Твой отец умрёт. Если ничего не сделать. В Королевской Гавани. Его казнят. Джоффри... он не сын Роберта. Джон Аррен был отравлен. Мизинец предаст.

Джон молчал. Смотрел на него. В его глазах — что-то. Что-то, что Алекс не мог прочитывать.

— Откуда ты знаешь? — спросил он наконец.

— Я видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Джон молчал. Долго. Очень долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты сумасшедший, — сказал он. — Или шпион. Или... — он замолчал.

— Я не шпион, — сказал Алекс. — Я... я просто хочу помочь. Я знаю, что это звучит безумно. Но это правда. Я знаю, что будет. И я... я не могу просто смотреть.

Джон смотрел на него. Потом на Арию. Она кивнула.

— Я ему верю, — сказала она. — Почему-то. Он странный. Но он не врёт.

Джон молчал. Потом вздохнул. Сел на пол — напротив Алекса. Устало. Тяжело.

— Ладно, — сказал он. — Говори. Я слушаю.

Алекс начал говорить. Быстро. Тихо. Сбивчиво. Он рассказал о Джоне Аррене. О письме Лизы. О бастардах Роберта. О Мизинце. О Серсее. О том, что будет. О том, что можно изменить.

Джон слушал. Молча. Не перебивая. Его лицо не менялось — оставалось мрачным, суровым. Но в глазах — Алекс видел — что-то происходило.

Когда Алекс закончил, Джон долго молчал. Смотрел в стену. Потом сказал:

— Ты говоришь, что мой отец умрёт.

— Да.

— И что я могу это остановить.

— Да. Или... попытаться.

Джон молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я уезжаю на Стену, — сказал он. — Завтра. Я дал слово. Я не могу...

— Ты можешь написать письмо, — сказал Алекс. — Своему отцу. Предупредить его. Он послушает тебя. Ты — его сын.

Джон смотрел на него. Долго.

— Ты думаешь, он послушает? — спросил он.

— Я думаю, — сказал Алекс, — что он — человек чести. И он выслушает. Даже если не поверит. Он выслушает.

Джон молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я напишу. Но я не обещаю, что он послушает.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

XVI

Джон ушёл. Арья осталась. Она сидела напротив Алекса и смотрела на него.

— Ты странный, Том с кухни, — сказала она. — Очень странный. Но ты... ты хороший. Я это вижу.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что теперь? Люди Мизинца всё ещё ищут тебя.

— Я знаю. — Алекс вздохнул. — Мне нужно... спрятаться. На время. Пока они не уйдут.

— Ты можешь остаться здесь, — сказала Арья. — Это старый ход. Никто не знает. Я буду приносить еду.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что предложила ему убежище. На девочку, которая рисковала. Ради него. Ради незнакомца.

— Спасибо, — сказал он. — Я... я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — сказала Арья. — Просто... выживи. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

Арья встала. Ушла. Алекс остался один. В темноте. В холоде. Но — в безопасности. Пока.

Он думал: «Джон напишет письмо. Может быть, Нед послушает. Может быть, он вернётся. Может быть, всё изменится».

Он думал: «А может быть — нет. Может быть, Нед не послушает. Может быть, он умрёт. Может быть, всё рухнет. И я ничего не смогу сделать».

Он думал: «Но я попытался. Я сделал хоть что-то. И это... это важно».

Он закрыл глаза. Сон пришёл медленно, неохотно. Но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лезет на башню.

XVII

Он проснулся от холода. И от звука. Голоса. Сверху. Далеко.

— Он где-то здесь. Я знаю.

Алекс замер. Сердце колотилось. Он узнал голос. Тот парень. Слуга Мизинца.

Шаги. Медленные. Осторожные. Спускаются.

Алекс вжался в стену. Ниша была узкой. Тёмной. Но не достаточно тёмной.

— Том! — Голос был ближе. — Выходи. Лорд Бейлиш хочет поговорить.

Алекс молчал. Дышал тихо. Медленно.

Шаги приближались. Кто-то отодвигал что-то. Бочку? Ящик?

— Том...

Он не думал. Просто действовал. Выскользнул из ниши — за спину парня, — и побежал. Вверх по лестнице. Через кухню. Через двор.

Парень кричал что-то вслед. Алекс не слушал. Он бежал.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал. Через двор. Через ворота. Через какие-то переходы.

И завернул за угол — и столкнулся с кем-то.

Маленькая фигурка. Растрёпанные волосы. Грязное платье. Меч на поясе.

Арья.

Она посмотрела на него. Потом на кого-то за его спиной. Потом снова на него.

— Том? — сказала она. — Что случилось?

Алекс не мог говорить. Не мог дышать. Просто стоял и смотрел на неё.

Арья выглянула из-за его плеча. Увидела парня — тот уже почти догнал. Её лицо изменилось. Стало жёстким.

— За мной, — сказала она.

И побежала. Алекс — за ней.

XVIII

Она привела его в какое-то место. Тёмное. Узкое. Между стенами. Там было холодно. И пахло сыростью. Но там было безопасно.

— Здесь не найдут, — сказала Арья. — Это старый ход. Я его нашла. Никто не знает.

Алекс сел на пол. Прижался спиной к стене. Дышал тяжело.

Арья села напротив. Смотрела на него.

— Ты в беде, — сказала она.

— Да, — сказал Алекс.

— Кто тебя ищет?

— Люди Мизинца.

Арья нахмурилась.

— Мизинца? Почему?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я написал записку. Твоему отцу. Предупредил его.

Арья смотрела на него. Долго.

— Ты знаешь что-то, — сказала она. — Что-то, чего не знают другие.

— Да.

— Что?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая через несколько месяцев будет прятаться в подворотнях Королевской Гавани. На девочку, которая потеряет отца, мать, брата.

Он думал: «Может быть, ей сказать? Может быть, она поймёт?»

— Твой отец умрёт, — сказал он. — Если ничего не сделать. Его казнят. В Королевской Гавани. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Мизинец... он предаст.

Арья молчала. Смотрела на него.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец.

— Я... видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Арья молчала. Потом медленно кивнула.

— Я тебе верю, — сказала она. — Почему-то. Ты странный. Но ты не врешь.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что мы будем делать?

Алекс смотрел на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Но... я думаю, нам нужен Джон.

— Джон? — Арья прищурилась. — Почему Джон?

— Он — сын твоего отца. Нед доверяет ему. Если Джон скажет... если он передаст... — Алекс замолчал. — Твой отец уже уехал. Но Джон может написать ему. Письмо. От себя. Не от меня. Он может сказать что-то, что твой отец послушает.

Арья смотрела на него. Долго.

— Джон уезжает, — сказала она. — На Стену. Он... он хочет вступить в Ночной Дозор.

Алекс почувствовал, как что-то обрывается внутри.

— Когда? — спросил он.

— Не знаю. Скоро. — Арья помолчала. — Но я могу его найти. До того, как он уедет.

Алекс смотрел на неё.

— Хорошо, — сказал он. — Найди его. Приведи сюда. Если сможешь.

Арья кивнула. Встала.

— Я вернусь, — сказала она. — Скоро.

И убежала. Алекс остался один. В темноте. В холоде. И думал: «Может быть, это срабатывает. Может быть, Джон слушает. Может быть...»

Он не знал. Но он надеялся.

XIX

Арья вернулась через час. С ней был Джон.

Он был высоким. Тёмные волосы. Мрачное лицо. Тяжёлый плащ. Он смотрел на Алекса с настороженностью.

— Это он? — спросил Джон.

— Он, — сказала Арья. — Его зовут Том. Он с кухни. И он... он знает вещи.

Джон смотрел на Алекса. Долго.

— Какие вещи? — спросил он.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один. Потом сказал:

— Твой отец умрёт. Если ничего не сделать. В Королевской Гавани. Его казнят. Джоффри... он не сын Роберта. Джон Аррен был отравлен. Мизинец предаст.

Джон молчал. Смотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он наконец.

— Я видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Джон молчал. Долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты сумасшедший, — сказал он. — Или шпион. Или... — он замолчал.

— Я не шпион, — сказал Алекс. — Я... я просто хочу помочь. Я знаю, что это звучит безумно. Но это правда. Я знаю, что будет. И я... я не могу просто смотреть.

Джон смотрел на него. Потом на Арию. Она кивнула.

— Я ему верю, — сказала она. — Почему-то. Он странный. Но он не врёт.

Джон молчал. Потом вздохнул. Сел на пол — напротив Алекса.

— Ладно, — сказал он. — Говори. Я слушаю.

Алекс начал говорить. Быстро. Тихо. Сбивчиво. Он рассказал о Джоне Аррене. О письме Лизы. О бастардах Роберта. О Мизинце. О Серсее. О том, что будет. О том, что можно изменить.

Джон слушал. Молча. Не перебивая. Его лицо не менялось — оставалось мрачным, суровым. Но в глазах — Алекс видел — что-то происходило.

Когда Алекс закончил, Джон долго молчал. Смотрел в стену. Потом сказал:

— Ты говоришь, что мой отец умрёт.

— Да.

— И что я могу это остановить.

— Да. Или... попытаться.

Джон молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я уезжаю на Стену, — сказал он. — Завтра. Я дал слово. Я не могу...

— Ты можешь написать письмо, — сказал Алекс. — Своему отцу. Предупредить его. Он послушает тебя. Ты — его сын.

Джон смотрел на него. Долго.

— Ты думаешь, он послушает? — спросил он.

— Я думаю, — сказал Алекс, — что он — человек чести. И он выслушает. Даже если не поверит. Он выслушает.

Джон молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я напишу. Но я не обещаю, что он послушает.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

XX

Джон ушёл. Арья осталась. Она сидела напротив Алекса и смотрела на него.

— Ты странный, Том с кухни, — сказала она. — Очень странный. Но ты... ты хороший. Я это вижу.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что теперь? Люди Мизинца всё ещё ищут тебя.

— Я знаю. — Алекс вздохнул. — Мне нужно... спрятаться. На время. Пока они не уйдут.

— Ты можешь остаться здесь, — сказала Арья. — Это старый ход. Никто не знает. Я буду приносить еду.

Алекс смотрел на неё.

— Спасибо, — сказал он. — Я... я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — сказала Арья. — Просто... выживи. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

Арья встала. Ушла. Алекс остался один. В темноте. В холоде. Но — в безопасности. Пока.

Он думал: «Джон напишет письмо. Может быть, Нед послушает. Может быть, он вернётся. Может быть, всё изменится».

Он думал: «А может быть — нет. Может быть, Нед не послушает. Может быть, он умрёт. Может быть, всё рухнет. И я ничего не смогу сделать».

Он думал: «Но я попытался. Я сделал хоть что-то. И это... это важно».

Он закрыл глаза. Сон пришёл медленно, неохотно. Но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лезет на башню.

XXI

Он проснулся от холода. И от звука. Голоса. Сверху. Далеко.

— Он где-то здесь. Я знаю.

Алекс замер. Сердце колотилось.

Шаги. Медленные. Осторожные. Спускаются.

Алекс вжался в стену.

— Том! — Голос был ближе. — Выходи. Лорд Бейлиш хочет поговорить.

Алекс молчал. Дышал тихо.

Шаги приближались.

— Том...

Он не думал. Просто действовал. Выскользнул из ниши — за спину парня, — и побежал. Вверх по лестнице. Через кухню. Через двор.

Парень кричал что-то вслед. Алекс не слушал. Он бежал.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал.

И завернул за угол — и столкнулся с кем-то.

Арья.

Она посмотрела на него. Потом на кого-то за его спиной. Потом снова на него.

— Том? — сказала она. — Что случилось?

Алекс не мог говорить.

Арья выглянула из-за его плеча. Увидела парня. Её лицо изменилось.

— За мной, — сказала она.

И побежала. Алекс — за ней.

XXII

Она привела его в какое-то место. Тёмное. Узкое. Между стенами.

— Здесь не найдут, — сказала Арья. — Это старый ход. Я его нашла. Никто не знает.

Алекс сел на пол. Прижался спиной к стене. Дышал тяжело.

Арья села напротив. Смотрела на него.

— Ты в беде, — сказала она.

— Да, — сказал Алекс.

— Кто тебя ищет?

— Люди Мизинца.

Арья нахмурилась.

— Мизинца? Почему?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я написал записку. Твоему отцу. Предупредил его.

Арья смотрела на него. Долго.

— Ты знаешь что-то, — сказала она. — Что-то, чего не знают другие.

— Да.

— Что?

Алекс смотрел на неё.

— Твой отец умрёт, — сказал он. — Если ничего не сделать. Его казнят. В Королевской Гавани. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Мизинец... он предаст.

Арья молчала. Смотрела на него.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец.

— Я... видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Арья молчала. Потом медленно кивнула.

— Я тебе верю, — сказала она. — Почему-то. Ты странный. Но ты не врешь.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что мы будем делать?

Алекс смотрел на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Но... я думаю, нам нужен Джон.

— Джон? — Арья прищурилась. — Почему Джон?

— Он — сын твоего отца. Нед доверяет ему. Если Джон скажет... если он передаст... — Алекс замолчал. — Твой отец уже уехал. Но Джон может написать ему. Письмо. От себя. Не от меня. Он может сказать что-то, что твой отец послушает.

Арья смотрела на него. Долго.

— Джон уезжает, — сказала она. — На Стену. Он... он хочет вступить в Ночной Дозор.

Алекс почувствовал, как что-то обрывается внутри.

— Когда? — спросил он.

— Не знаю. Скоро. — Арья помолчала. — Но я могу его найти. До того, как он уедет.

Алекс смотрел на неё.

— Хорошо, — сказал он. — Найди его. Приведи сюда. Если сможешь.

Арья кивнула. Встала.

— Я вернусь, — сказала она. — Скоро.

И убежала. Алекс остался один. В темноте. В холоде. И думал: «Может быть, это сработает. Может быть, Джон послушает. Может быть...»

Он не знал. Но он надеялся.

XXIII

Арья вернулась через час. С ней был Джон.

Он был высоким. Тёмные волосы. Мрачное лицо. Тяжёлый плащ. Он смотрел на Алекса с настороженностью.

— Это он? — спросил Джон.

— Он, — сказала Арья. — Его зовут Том. Он с кухни. И он... он знает вещи.

Джон смотрел на Алекса. Долго.

— Какие вещи? — спросил он.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один. Потом сказал:

— Твой отец умрёт. Если ничего не сделать. В Королевской Гавани. Его казнят. Джоффри... он не сын Роберта. Джон Аррен был отравлен. Мизинец предаст.

Джон молчал. Смотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он наконец.

— Я видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Джон молчал. Долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты сумасшедший, — сказал он. — Или шпион. Или... — он замолчал.

— Я не шпион, — сказал Алекс. — Я... я просто хочу помочь. Я знаю, что это звучит безумно. Но это правда. Я знаю, что будет. И я... я не могу просто смотреть.

Джон смотрел на него. Потом на Арию. Она кивнула.

— Я ему верю, — сказала она. — Почему-то. Он странный. Но он не врёт.

Джон молчал. Потом вздохнул. Сел на пол — напротив Алекса.

— Ладно, — сказал он. — Говори. Я слушаю.

Алекс начал говорить. Быстро. Тихо. Сбивчиво. Он рассказал о Джоне Аррене. О письме Лизы. О бастардах Роберта. О Мизинце. О Серсее. О том, что будет. О том, что можно изменить.

Джон слушал. Молча. Не перебивая.

Когда Алекс закончил, Джон долго молчал. Смотрел в стену. Потом сказал:

— Ты говоришь, что мой отец умрёт.

— Да.

— И что я могу это остановить.

— Да. Или... попытаться.

Джон молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я уезжаю на Стену, — сказал он. — Завтра. Я дал слово. Я не могу...

— Ты можешь написать письмо, — сказал Алекс. — Своему отцу. Предупредить его. Он послушает тебя. Ты — его сын.

Джон смотрел на него. Долго.

— Ты думаешь, он послушает? — спросил он.

— Я думаю, — сказал Алекс, — что он — человек чести. И он выслушает. Даже если не поверит. Он выслушает.

Джон молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я напишу. Но я не обещаю, что он послушает.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

XXIV

Джон ушёл. Арья осталась. Она сидела напротив Алекса и смотрела на него.

— Ты странный, Том с кухни, — сказала она. — Очень странный. Но ты... ты хороший. Я это вижу.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что теперь? Люди Мизинца всё ещё ищут тебя.

— Я знаю. — Алекс вздохнул. — Мне нужно... спрятаться. На время. Пока они не уйдут.

— Ты можешь остаться здесь, — сказала Арья. — Это старый ход. Никто не знает. Я буду приносить еду.

Алекс смотрел на неё.

— Спасибо, — сказал он. — Я... я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — сказала Арья. — Просто... выживи. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

Арья встала. Ушла. Алекс остался один. В темноте. В холоде. Но — в безопасности. Пока.

Он думал: «Джон напишет письмо. Может быть, Нед послушает. Может быть, он вернётся. Может быть, всё изменится».

Он думал: «А может быть — нет. Может быть, Нед не послушает. Может быть, он умрёт. Может быть, всё рухнет. И я ничего не смогу сделать».

Он думал: «Но я попытался. Я сделал хоть что-то. И это... это важно».

Он закрыл глаза. Сон пришёл медленно, неохотно. Но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лезет на башню.

XXV

Он проснулся от холода. И от звука. Голоса. Сверху. Далеко.

— Он где-то здесь. Я знаю.

Алекс замер. Сердце колотилось.

Шаги. Медленные. Осторожные. Спускаются.

Алекс вжался в стену.

— Том! — Голос был ближе. — Выходи. Лорд Бейлиш хочет поговорить.

Алекс молчал. Дышал тихо.

Шаги приближались.

— Том...

Он не думал. Просто действовал. Выскользнул из ниши — за спину парня, — и побежал. Вверх по лестнице. Через кухню. Через двор.

Парень кричал что-то вслед. Алекс не слушал. Он бежал.

Он не знал, куда бежит. Просто бежал.

И завернул за угол — и столкнулся с кем-то.

Арья.

Она посмотрела на него. Потом на кого-то за его спиной. Потом снова на него.

— Том? — сказала она. — Что случилось?

Алекс не мог говорить.

Арья выглянула из-за его плеча. Увидела парня. Её лицо изменилось.

— За мной, — сказала она.

И побежала. Алекс — за ней.

XXVI

Она привела его в какое-то место. Тёмное. Узкое. Между стенами.

— Здесь не найдут, — сказала Арья. — Это старый ход. Я его нашла. Никто не знает.

Алекс сел на пол. Прижался спиной к стене. Дышал тяжело.

Арья села напротив. Смотрела на него.

— Ты в беде, — сказала она.

— Да, — сказал Алекс.

— Кто тебя ищет?

— Люди Мизинца.

Арья нахмурилась.

— Мизинца? Почему?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я написал записку. Твоему отцу. Предупредил его.

Арья смотрела на него. Долго.

— Ты знаешь что-то, — сказала она. — Что-то, чего не знают другие.

— Да.

— Что?

Алекс смотрел на неё.

— Твой отец умрёт, — сказал он. — Если ничего не сделать. Его казнят. В Королевской Гавани. Джоффри... он не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Мизинец... он предаст.

Арья молчала. Смотрела на него.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец.

— Я... видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Арья молчала. Потом медленно кивнула.

— Я тебе верю, — сказала она. — Почему-то. Ты странный. Но ты не врешь.

Алекс почувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Спасибо, — сказал он.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что мы будем делать?

Алекс смотрел на неё.

— Я не знаю, — сказал он. — Но... я думаю, нам нужен Джон.

— Джон? — Арья прищурилась. — Почему Джон?

— Он — сын твоего отца. Нед доверяет ему. Если Джон скажет... если он передаст... — Алекс замолчал. — Твой отец уже уехал. Но Джон может написать ему. Письмо. От себя. Не от меня. Он может сказать что-то, что твой отец послушает.

Арья смотрела на него. Долго.

— Джон уезжает, — сказала она. — На Стену. Он... он хочет вступить в Ночной Дозор.

Алекс почувствовал, как что-то обрывается внутри.

— Когда? — спросил он.

— Не знаю. Скоро. — Арья помолчала. — Но я могу его найти. До того, как он уедет.

Алекс смотрел на неё.

— Хорошо, — сказал он. — Найди его. Приведи сюда. Если сможешь.

Арья кивнула. Встала.

— Я вернусь, — сказала она. — Скоро.

И убежала. Алекс остался один. В темноте. В холоде. И думал: «Может быть, это сраб-
тает. Может быть, Джон слушает. Может быть...»

Он не знал. Но он надеялся.

XXVII

Арья вернулась через час. С ней был Джон.

Он был высоким. Тёмные волосы. Мрачное лицо. Тяжёлый плащ. Он смотрел на Алекса
с настороженностью.

— Это он? — спросил Джон.

— Он, — сказала Арья. — Его зовут Том. Он с кухни. И он... он знает вещи.

Джон смотрел на Алекса. Долго.

— Какие вещи? — спросил он.

Алекс сделал вдох. Потом ещё один. Потом сказал:

— Твой отец умрёт. Если ничего не сделать. В Королевской Гавани. Его казнят. Джоф-
фри... он не сын Роберта. Джон Аррен был отравлен. Мизинец предаст.

Джон молчал. Смотрел на него.

— Откуда ты знаешь? — спросил он наконец.

— Я видел, — сказал Алекс. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел.

Джон молчал. Долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты сумасшедший, — сказал он. — Или шпион. Или... — он замолчал.

— Я не шпион, — сказал Алекс. — Я... я просто хочу помочь. Я знаю, что это звучит
безумно. Но это правда. Я знаю, что будет. И я... я не могу просто смотреть.

Джон смотрел на него. Потом на Арию. Она кивнула.

— Я ему верю, — сказала она. — Почему-то. Он странный. Но он не врёт.

Джон молчал. Потом вздохнул. Сел на пол — напротив Алекса.

— Ладно, — сказал он. — Говори. Я слушаю.

Алекс начал говорить. Быстро. Тихо. Сбивчиво. Он рассказал о Джоне Аррене. О письме Лизы. О бастардах Роберта. О Мизинце. О Серсее. О том, что будет. О том, что можно изменить.

Джон слушал. Молча. Не перебивая.

Когда Алекс закончил, Джон долго молчал. Смотрел в стену. Потом сказал:

— Ты говоришь, что мой отец умрёт.

— Да.

— И что я могу это остановить.

— Да. Или... попытаться.

Джон молчал. Потом медленно покачал головой.

— Я уезжаю на Стену, — сказал он. — Завтра. Я дал слово. Я не могу...

— Ты можешь написать письмо, — сказал Алекс. — Своему отцу. Предупредить его. Он послушает тебя. Ты — его сын.

Джон смотрел на него. Долго.

— Ты думаешь, он послушает? — спросил он.

— Я думаю, — сказал Алекс, — что он — человек чести. И он выслушает. Даже если не поверит. Он выслушает.

Джон молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я напишу. Но я не обещаю, что он послушает.

Алекс кивнул.

— Этого достаточно, — сказал он.

XXVIII

Джон ушёл. Арья осталась. Она сидела напротив Алекса и смотрела на него.

— Ты странный, Том с кухни, — сказала она. — Очень странный. Но ты... ты хороший. Я это вижу.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Что теперь? Люди Мизинца всё ещё ищут тебя.

— Я знаю. — Алекс вздохнул. — Мне нужно... спрятаться. На время. Пока они не уйдут.

— Ты можешь остаться здесь, — сказала Арья. — Это старый ход. Никто не знает. Я буду приносить еду.

Алекс смотрел на неё.

— Спасибо, — сказал он. — Я... я не знаю, что сказать.

— Ничего не говори, — сказала Арья. — Просто... выживи. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

Арья встала. Ушла. Алекс остался один. В темноте. В холоде. Но — в безопасности. Пока.

Он думал: «Джон напишет письмо. Может быть, Нед послушает. Может быть, он вернётся. Может быть, всё изменится».

Он думал: «А может быть — нет. Может быть, Нед не послушает. Может быть, он умрёт. Может быть, всё рухнет. И я ничего не смогу сделать».

Он думал: «Но я попытался. Я сделал хоть что-то. И это... это важно».

Он закрыл глаза. Сон пришёл медленно, неохотно. Но пришёл.

Ему снился Винтерфелл. Снег. Волки. И мальчик, который лезет на башню.

XXIX

Алекс проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза — над ним стояла Арья. Бледная. Взмолвленная.

— Том! Том, вставай! — кричала она. — Джон... он написал письмо. Но... но его перехватили. Люди Мизинца. Они знают. Они ищут тебя. И Джона тоже.

Алекс почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Что? — прошептал он. — Как?

— Я не знаю! — Арья была на грани слёз. — Джон отдал письмо слуге. Чтобы тот передал отцу. Но слуга... он был человеком Мизинца. Он отнёс письмо ему. И теперь Мизинец знает. Всё знает.

Алекс сидел на полу. Смотрел на неё. И думал: «Я провалился. Опять. Я всё испортил. Нед не получит письмо. Мизинец знает. И теперь...»

— Что с Джоном? — спросил он.

— Он... он ещё здесь. Но Мизинец может... он может что-то сделать. Я не знаю. — Арья всхлипнула. — Том, что нам делать?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что потеряла брата. На девочку, которая рисковала всем. Ради него. Ради незнакомца.

Он думал: «Я не могу сдать. Не сейчас. Не после всего».

Он встал. Медленно. Осторожно.

— Мы найдём Джона, — сказал он. — И мы... мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь.

Арья смотрела на него. В её глазах — страх. И надежда.

— Ты обещаешь? — спросила она.

Алекс кивнул.

— Обещаю.

Он взял её за руку. И они вышли из укрытия. В холод. В темноту. В неизвестность.

Но они шли. Вместе.

И где-то далеко — на дороге, ведущей на юг, — Нед Старк ехал в Королевскую Гавань, не зная, что его ждёт. И Алекс, идущий через Винтерфелл, не знал, что его план — версия девятая — только что начал осуществляться. Не так, как он хотел. Не так, как он планировал. Но — начал.

Конец главы 4.

Глава 5. Неудачное предупреждение

I

Алекс не спал. Он лежал в старом ходе, который нашла Арья, — в узкой щели между стенами, где пахло сыростью, мышами и чем-то древним, чего он не мог назвать. Над головой

нависали каменные плиты, покрытые мхом. Где-то капала вода. Где-то скреблась крыса. Где-то — далеко, наверху — ходили люди.

Он смотрел в темноту и думал.

Джон написал письмо. Джон передал его слуге. Слуга оказался человеком Мизинца. Письмо попало не к Неде — к Мизинцу. И теперь Мизинец знает. Знает, что кто-то в Винтерфелле — кто-то, кто знает слишком много, — пытается предупредить лорда Старка. Знает, что этот кто-то — «Том с кухни». Знает, что Джон Сноу замешан. Знает, что Арья Старк помогает.

«Я всё испортил, — думал Алекс. — Я думал, что знание — это сила. Я думал, что если я скажу правду — люди поверят. Но правда без доказательств — это просто слова. А слова... слова ничего не стоят. В этом мире. В любом мире».

Он перевернулся на бок. Камень был холодным. Плащ — тонким. Он думал о Неде. О человеке, который уехал на юг, не зная, что его ждёт. О человеке, который выслушал его в Винтерфелле — но не поверил. Не потому, что был глупым. А потому, что был честным. Слишком честным. Человек чести не верит в заговоры, потому что сам не способен на предательство. Это была его сила. И его слабость.

«Я должен был знать, — думал Алекс. — Я смотрел сериал. Я читал книги. Я знал, какой Нед. Я знал, что он не поверит. Но я всё равно... я всё равно думал, что смогу. Что мои слова... что они что-то изменят».

Он закрыл глаза. Сон не шёл. В голове крутились мысли — одна за другой, — и он не мог их остановить.

«Что теперь? Мизинец знает. Его люди ищут меня. Они ищут Джона. Они ищут Арию. Я не могу вернуться на кухню. Не могу выйти. Не могу...»

Он слышал шаги. Лёгкие, быстрые. Знакомые. Арья.

Она появилась из темноты — маленькая фигурка в тёмном плаще, с растрёпанными волосами и глазами, которые светились в полумраке. Она села напротив него. Скрестила ноги. Посмотрела.

— Ты не спишь, — сказала она. Это был не вопрос.

— Нет, — сказал Алекс.

— Я тоже. — Она помолчала. — Джон... он написал письмо. Но его перехватили. Я не знаю, что теперь. Я не знаю, что делать.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что потеряла брата — не потеряла, но подвергла опасности. На девочку, которая рисковала всем. Ради него. Ради незнакомца.

— Я знаю, — сказал он. — Я... я думаю. Я пытаюсь придумать.

— И что? — спросила Арья. — Что ты придумал?

Алекс молчал. Потом сказал:

— Твой отец... он уехал. Но, может быть, он ещё недалеко. Может быть, он остановился где-то на ночлег. Если я смогу до него добраться... если я смогу поговорить с ним лично...

Арья прищурилась.

— Ты хочешь пойти за ним?

— Да.

— Это опасно. Люди Мизинца...

— Я знаю. Но... — Алекс сделал вдох. — Я не могу просто сидеть. Я не могу ждать. Пока я жду — твой отец едет в Королевскую Гавань. И если он доедет... если он встретится с Ланнистерами... он умрёт. Я знаю это. И я... я должен попытаться.

Арья смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я пойду с тобой.

— Нет. — Алекс покачал головой. — Ты не можешь. Если тебя поймают...

— Мне всё равно. — Голос Арьи был твёрдым. — Он — мой отец. Я не могу сидеть и ждать, пока он... пока что-то случится.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая была готова рискнуть всем. Ради отца. Ради семьи. Ради него.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но ты должна слушаться меня. Если я скажу бежать — ты бежишь. Поняла?

Арья кивнула.

— Поняла.

— И ещё. — Алекс помолчал. — Нам нужно... нам нужно что-то. Одежда. Еда. Может быть, лошади.

— У меня есть, — сказала Арья. — Я... я взяла кое-что. Из конюшни. И еду. Из кухни. Морна не заметит.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Ты... ты подготовилась.

— Я всегда готова, — сказала Арья. — Я не ребёнок.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая говорила «я не ребёнок» — и была права. Она была сильнее, чем он. Смелее. Быстрее. Она выживет. В этом мире. В любом мире.

— Ладно, — сказал он. — Тогда... тогда идём. Сейчас. Пока темно.

Они вышли из укрытия. Через узкие проходы, через тёмные коридоры, через двор — тихо, осторожно, как тени. Арья вела его. Она знала Винтерфелл лучше, чем он. Знала, где стоят стражники. Где можно пройти незамеченным. Где — собаки, а где — нет.

Они добрались до конюшни. Арья уже подготовила двух лошадей — не самых лучших, но крепких, выносливых. Оседланных. С сумками, в которых была еда — хлеб, сыр, вяленое мясо, — и фляги с водой.

Алекс смотрел на лошадей и думал: «Я не умею ездить верхом. То есть... Том умеет. Тело помнит. Но я... я никогда...»

Он забрался в седло. Тело Тома знало, что делать. Ноги нашли стремяна. Руки взяли поводья. Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Готов? — спросила Арья. Она уже сидела на своей лошади — маленькая, быстрая, как мальчишка.

— Готов, — сказал Алекс. — Или... почти.

Они выехали из конюшни. Через задние ворота — Арья знала, где они, — через узкую дорогу, через лес. Снег падал с неба — крупный, мягкий, — и Винтерфелл остался позади. Серые стены, волчья голова на воротах, огни в окнах.

Алекс обернулся. Посмотрел на замок. На место, где он провёл... сколько? Дней? Недель? Он потерял счёт. Он думал: «Я вернусь. Я вернусь с Недом. Или... или не вернусь вообще».

Он отвернулся. Пришпорил лошадь. И поехал в темноту.

II

Дорога была долгой. Дольше, чем Алекс думал. Они ехали через лес — тёмный, холодный, с деревьями, которые казались огромными, древними, живыми. Снег хрустел под копытами. Ветер выл в ветвях. Где-то — далеко — выл волк.

Алекс держался в седле. Тело Тома знало, что делать — мышцы помнили, руки держали поводья, ноги находили стремяна. Но мысли... мысли не останавливались.

Он думал: «Что я скажу? Как я начну? „Милорд, я знаю, что вас убьют“? Он не поверит. Он уже не поверил. Он думает, что я сумасшедший. Или шпион. Или...»

Он думал: «Может быть, сказать иначе? „Милорд, я слышал разговоры. Ланнистеры что-то замышляют. Будьте осторожны“. Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И я скажу... что?»

Он думал: «Может быть, сказать правду? Часть правды? „Джоффри — не сын Роберта“. Он спросит: „Откуда ты знаешь?“ И я скажу: „Я видел“. Он спросит: „Где?“ И я скажу... что?»

Он не знал. Он просто ехал и думал, и мысли ходили по кругу. Как лошадь на привязи. Как белка в колесе. Как он сам — в этом мире, в этом теле, в этой жизни, которая была не его.

Арья ехала рядом. Молча. Она не спрашивала, куда они едут. Не спрашивала, что он планирует. Она просто ехала — маленькая, быстрая, с мечом на поясе и глазами, которые видели всё.

В какой-то момент — ближе к утру — она сказала:

— Ты странный, Том.

— Я знаю, — сказал Алекс.

— Нет. Я не про это. — Она помолчала. — Ты... ты как будто не отсюда. Как будто ты... не из этого мира.

Алекс молчал.

— Я не знаю, что это значит, — продолжила Арья. — Но я это вижу. Ты смотришь на всё так, как будто... как будто видишь что-то другое. Что-то, чего не видят другие. И ты говоришь о будущем так, как будто... как будто ты уже там был.

Алекс смотрел на дорогу. На снег. На деревья. Потом сказал:

— Может быть, и был.

Арья посмотрела на него. Долго. Потом кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Не хочешь говорить — не говори. Но... — она помолчала. — Если ты действительно знаешь будущее... если ты действительно хочешь помочь... то я рада. Что ты здесь. Что ты... пытаешься.

Алекс чуть не улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — сказала Арья. — Просто... сделай это. Спаси моего отца. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

III

Они добрались до постоянного двора к полудню. Солнце стояло высоко — бледное, осеннее, но всё-таки солнце, — и снег блестел на крышах, на деревьях, на дороге.

Постоялый двор был большим — двухэтажным, с конюшней, с кузницей, с двором, где стояли лошади. Алекс увидел знамёна — золотой олень на чёрном поле, Баратеоны. И рядом — серый волк на белом, Старки. Люди Неда. Люди короля.

Он остановил лошадь. Смотрел. Думал: «Вот они. Здесь. Нед. Роберт. Может быть, Джейме. Может быть, Серсея. Все — здесь».

Арья остановилась рядом. Посмотрела на него.

— Что теперь? — спросила она.

— Я пойду, — сказал Алекс. — Поговорю с ним. С твоим отцом.

— А я?

— Ты... — Алекс помолчал. — Ты останешься здесь. С лошадьми. Если что-то пойдёт не так — уезжай. Не жди меня.

Арья нахмурилась.

— Я не хочу...

— Пожалуйста, — сказал Алекс. — Ты — Старк. Если тебя увидят здесь... если тебя поймут... твой отец... он не поймёт. Он подумает, что ты сбежала. Что ты... — он замолчал. — Просто останься. Ладно?

Арья смотрела на него. Долго. Потом кивнула.

— Ладно, — сказала она. — Но если тебя не будет через час — я пойду за тобой.

— Договорились, — сказал Алекс.

Он слез с лошади. Отдал поводья Арье. Поправил плащ. Сделал вдох. Потом ещё один.

И пошёл.

IV

Первый стражник стоял у ворот. Высокий, в кольчуге, с копьём. Он посмотрел на Алекса — коротко, оценивающе.

— Чего надо? — спросил он.

— Я... я хочу поговорить с лордом Старком, — сказал Алекс. — У меня важное сообщение.

Стражник прищурился.

— Важное сообщение? От кого?

— От... — Алекс запнулся. — От себя. Я... я знаю вещи. О Королевской Гавани. О Ланнистерах. Я должен предупредить лорда Старка.

Стражник смотрел на него. Долго. Потом засмеялся.

— Ты? — спросил он. — Ты хочешь предупредить лорда Старка? Мальчишка в грязном плаще?

— Я... — Алекс сделал шаг вперёд. — Пожалуйста. Это важно. Я не сумасшедший. Я...

— Ты пьян? — перебил стражник. — Или просто глуп? Иди отсюда. Пока я не позвал сержанта.

— Пожалуйста, — сказал Алекс. — Я должен...

Стражник шагнул вперёд. Копьё в его руках качнулось — угрожающе.

— Я сказал — иди. Ещё раз подойдёшь — получишь по шее. Понял?

Алекс отступил. Поднял руки.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Я ухожу.

Он отошёл. Но не ушёл. Он стоял в стороне — у стены конюшни, — и смотрел. Думал: «Первый провал. Но это только начало. Я найду другой способ. Я должен».

V

Второй попыткой был слуга. Пожилой мужчина с седыми волосами и усталым лицом. Он вышел из постоянного двора с ведром воды — наверное, для лошадей. Алекс подошёл к нему.

— Простите, — сказал он. — Вы... вы служите лорду Старку?

Мужчина посмотрел на него.

— А тебе что?

— Я... я хочу передать ему сообщение. Важное. Я не могу подойти сам — стража не пускает. Но вы... вы можете. Пожалуйста.

Мужчина смотрел на него. Долго. Потом покачал головой.

— Парень, — сказал он. — Я служу лорду Старку двадцать лет. И я знаю: если кто-то хочет передать «важное сообщение» через слугу — это либо ложь, либо глупость. Лорд Старк устал. Он едет на юг. У него нет времени на... на такое.

— Но это правда важно, — сказал Алекс. — Это про Королевскую Гавань. Про Ланнистеров. Про...

— Все так говорят, — перебил мужчина. — Все говорят, что это важно. А потом оказывается — либо пьяная болтовня, либо попытка что-то продать. Иди домой, парень. Проспись.

Он ушёл. Алекс остался стоять. Смотрел ему вслед. Думал: «Второй провал. Но... я не сдамся. Я найду способ. Я должен».

VI

Третья попытка была напрямую. Алекс ждал. У стены конюшни. В тени. Смотрел на дверь постоянного двора. Ждал, когда Нед выйдет.

Он вышел ближе к вечеру. Один. Без свиты. Без стражников. Просто Нед Старк — высокий, суровый, в тёмном плаще, с мечом на поясе. Он вышел во двор, чтобы проверить лошадей — или просто подышать воздухом. Алекс не знал. Ему было всё равно.

Он шагнул вперёд. Быстро. Пока Нед не ушёл.

— Милорд! — крикнул он. — Милорд, пожалуйста!

Нед остановился. Повернулся. Посмотрел на него. В его глазах — усталость, настороженность, что-то ещё. Что-то, что Алекс не мог назвать.

— Ты кто? — спросил Нед.

Алекс остановился в нескольких шагах. Дышал тяжело. Сердце колотилось.

— Меня зовут Том, — сказал он. — Я... я работаю на кухне. В Винтерфелле. Я... я говорил с вами. Раньше. Перед отъездом.

Нед смотрел на него. Долго. Потом медленно кивнул.

— Помню, — сказал он. — Ты говорил о будущем. О том, что я умру. — Он помолчал. — Ты всё ещё здесь? Я думал, ты ушёл.

— Я... я не мог, — сказал Алекс. — Милорд, я должен сказать вам. Это важно. Это... это про Королевскую Гавань. Про Ланнистеров. Про...

— Ты уже говорил это, — перебил Нед. Голос был ровным. Усталым. — Ты говорил о заговорах. О предательстве. Без доказательств. Без имён. Без причин. Ты понимаешь, что это серьёзные обвинения?

— Я знаю, — сказал Алекс. — Но это правда. Джоффри — не сын Роберта. Он — сын Джейме и Серсеи. Джон Аррен был отравлен. Мизинец... он предаст. Он уже предаёт. Пожалуйста, милорд, послушайте...

Нед смотрел на него. В его глазах — что-то. Что-то, что Алекс не мог прочесть. Не гнев. Не презрение. Что-то... другое.

— Ты пьян? — спросил Нед. — Или болен?

— Нет, милорд, я...

— Ты говоришь о заговорах, — сказал Нед. — О предательстве. О том, что королева — изменница. О том, что десница короля была убита. Ты понимаешь, что это значит? Ты понимаешь, что если ты ошибаешься — ты можешь разрушить жизни? Семьи? Ты понимаешь, что если ты прав — ты можешь начать войну?

Алекс молчал. Он не думал об этом. Не так. Не в этих словах.

— Я... я знаю, — сказал он. — Но это правда. Я... я видел.

— Видел? — Нед прищурился. — Что ты видел?

Алекс сделал вдох. Потом ещё один.

— Я видел будущее, — сказал он. — Не здесь. Не в этом мире. Но видел. Я знаю, что будет. Я знаю, что вы умрёте. Я знаю, что ваша семья... пострадает. И я... я хочу это остановить.

Нед смотрел на него. Долго. Очень долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты безумен, — сказал он. — Или ты шпион, который пытается сбить меня с толку. В любом случае — уходи. И не приближайся к моей семье.

Алекс сделал шаг вперёд.

— Милорд, ваш сын Бран... он упал не случайно. Это были Джейме и Серсея. Они...

Нед побледнел. Не от понимания — от гнева. Его рука легла на рукоять меча.

— Ты говоришь о моей жене, — сказал он тихо. — О моём сыне. Ты...

Он сделал шаг вперёд. Алекс отступил.

— Уходи, — сказал Нед. Голос был тихим, но жёстким. — Сейчас же. Или я прикажу тебя арестовать.

Алекс смотрел на него. На человека, которого он знал десять лет. На человека, которого он видел умирающим сотни раз. На человека, которого он хотел спасти.

И понял: он проиграл.

— Ладно, — сказал он. — Ладно. Я ухожу.

Он отступил. Ещё раз. Ещё. Потом повернулся. И пошёл. Медленно. Спинай. Чувствуя, как рушится всё.

Он слышал, как Нед отворачивается. Как стражники провожают его взглядами. Как кто-то из рыцарей смеётся:

— Сумасшедший мальчишка. Говорит, что видел будущее.

Алекс шёл. Не оборачивался. Не плакал. Не кричал. Просто шёл. К лошадям. К Арье. К провалу.

VII

Арья ждала его у лошадей. Она увидела его лицо — и всё поняла.

— Он не поверил? — спросила она.

Алекс покачал головой.

— Нет. Он... он думает, что я сумасшедший. Или шпион. Он сказал... он сказал, чтобы я не приближался к его семье.

Арья молчала. Потом сказала:

— Мой отец... он хороший. Но он не верит в заговоры. Он верит в долг. В честь. В... — она замолчала.

— Я знаю, — сказал Алекс. — Я знаю.

Они стояли в темноте. Снег падал с неба. Где-то — далеко — лаяла собака. Где-то — в постоялом дворе — смеялись люди. Нед Старк был там. Живой. Пока.

— Что теперь? — спросила Арья.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я... я думал, что смогу. Что слова... что они что-то изменят. Но... — он замолчал. — Слова бесполезны. Нед не поверит словам. Ему нужны доказательства. Или действия. Что-то, что он не сможет проигнорировать.

Арья смотрела на него.

— Какие доказательства? — спросила она.

— Я не знаю, — сказал Алекс. — Но... я найду. Что-то. Письмо. Свидетеля. Что-то, что докажет — Джоффри не сын Роберта. Или что Мизинец предаст. Что-то, что Нед не сможет проигнорировать.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Письмо Лизы Аррен. Оно... оно где-то здесь? В Винтерфелле?

Алекс кивнул.

— Может быть. Или... может быть, мы можем найти что-то ещё. Что-то, что Мизинец прячет. Что-то, что докажет его предательство.

Арья смотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Я помогу. Я знаю Винтерфелл лучше, чем кто-либо. Я знаю, где можно спрятать что-то. И где можно найти.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая только что предложила помощь. Снова. Несмотря на провал. Несмотря на опасность.

— Это опасно, — сказал он. — Если Мизинец узнает...

— Мне всё равно, — перебила Арья. — Он... он сделал больно моему брату. Моей семье. Я не боюсь его.

Алекс молчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда... тогда поехали. Нам нужно вернуться. Пока темно.

Они сели на лошадей. Поехали обратно. Через лес. Через снег. Через темноту.

Алекс думал: «Я провалился. Но я не сдался. Я найду другой способ. Я должен».

VIII

Они вернулись в Винтерфелл к утру. Усталые. Замёрзшие. Молчаливые. Арья провела его через задние ворота — те же, через которые они уехали, — и они вернулись в старый ход.

Алекс сел на пол. Прислонился к стене. Закрыв глаза. Он не спал всю ночь. Не ел. Не пил. Он просто... был. И этого было достаточно.

Арья села напротив. Смотрела на него.

— Ты должен поспать, — сказала она. — Ты выглядишь... плохо.

— Я знаю, — сказал Алекс. — Но я не могу. Мысли... они не останавливаются.

Арья помолчала. Потом сказала:

— Я принесу еду. И воду. И... может быть, что-то ещё. Что-то, что поможет тебе... думать.

Она ушла. Алекс остался один. В темноте. В холоде. С мыслями, которые не останавливались.

Он думал: «Мизинец знает. Его люди ищут меня. Они ищут Джона. Они ищут Арья. Я не могу вернуться на кухню. Не могу выйти. Не могу...»

Он думал: «Что теперь? Что мне делать? Я не могу писать записки. Мизинец перехватит. Я не могу подойти к Неду — Мизинец узнает. Я не могу... ничего. Я — никто. Мальчик с кухни. И я провалился».

Он думал: «Может быть, сдаться? Может быть, просто уйти? Найти корабль. Уплыть в Эссос. Начать новую жизнь. Забыть про Неда. Про Вестерос. Про всё».

Но он вспомнил Брана. Мальчика на камнях. Кровь. Кейтилин, бегущую через двор с криком, который не был похож на человеческий. И думал: «Нет. Я не могу. Я не могу сдаться. Потому что если я сдамся — они умерли зря. И Бран... Бран может умереть. И Нед умрёт. И всё... всё рухнет».

Он думал: «Слова бесполезны. Нед не поверит словам. Ему нужны доказательства. Или действия. Что-то, что он не сможет проигнорировать. Что-то, что покажет ему правду — не на словах, а на деле».

Он думал: «Я должен найти что-то. Что-то, что Мизинец прячет. Что-то, что докажет его предательство. Или... я должен создать ситуацию. Ситуацию, в которой Нед сам увидит правду. Не словами — действиями».

Он не знал, как. Не знал, когда. Но он знал, что должен попытаться.

IX

Арья вернулась через час. С едой — хлеб, сыр, вяленое мясо — и с водой. И с новостями.

— Холден искал тебя, — сказала она. — Он... он сказал, что Мизинец знает. О том, что ты пытался поговорить с отцом. Он... он использует это. Говорит, что ты — сумасшедший, который пытается посеять смуту. Что ты — опасен. Люди Мизинца ищут тебя снова. И теперь... теперь они могут делать это открыто. Потому что ты — «безумец, который угрожал лорду Старку».

Алекс слушал. Молча. Потом сказал:

— Он выиграл. Мизинец. Он использовал мою попытку против меня. Теперь я — не просто «странный мальчишка». Я — угроза. И Нед... Нед теперь точно не станет меня слушать. Потому что я — тот, кто «угрожал» ему и его семье.

Арья молчала. Потом сказала:

— Что нам делать?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая верила в него. Которая рисковала всем. Ради него. Ради отца. Ради семьи.

— Мы найдём доказательства, — сказал он. — Или... мы создадим ситуацию, в которой Нед сам увидит правду. Не словами — действиями. Мы заставим Мизинца показать своё истинное лицо. Перед Недом. Перед всеми.

Арья смотрела на него. Долго.

— Как? — спросила она.

Алекс молчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Пока. Но я найду способ. Я должен.

Он взял хлеб. Откусил. Жевал медленно. Вкуса не чувствовал. Но тело требовало еды. Он должен был быть сильным. Для того, что будет дальше.

— Завтра, — сказал он. — Завтра мы начнём искать. Что-то, что Мизинец прячет. Что-то, что Нед не сможет проигнорировать.

Арья кивнула.

— Я помогу, — сказала она. — Я знаю Винтерфелл. Я знаю, где можно спрятать что-то. И где можно найти.

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая была сильнее, чем он. Смелее. Быстрее.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — сказала Арья. — Просто... сделай это. Спаси моего отца. Ладно?

Алекс кивнул.

— Ладно.

Х

Ночь. Алекс лежал в темноте. Арья спала рядом — свернувшись калачиком, укрытая плащом. Она дышала тихо. Ровно. Как ребёнок. Хотя она не была ребёнком. Не совсем.

Алекс смотрел на неё и думал: «Я не могу подвести её. Не могу подвести Неда. Не могу подвести всех, кто... кто ещё жив. Пока».

Он думал о своём плане. О восьми версиях. О блокноте, который остался в другом мире. Все они были теорией. Все они были мусором. Потому что они были написаны человеком, который думал, что знает, как устроен мир. А мир оказался... живым. Сложным. Непредсказуемым.

Но была одна мысль, которая не давала ему покоя. Одна простая мысль: он знает, что будет. И он может это изменить. Не словами. Действиями.

Он думал: «Мизинец прячет что-то. Что-то, что докажет его предательство. Письмо. Документ. Свидетеля. Что-то. И я найду это. Или... я создам ситуацию. Ситуацию, в которой он покажет своё истинное лицо».

Он думал: «Я не герой. Я не воин. Я не лорд. Я — Том с кухни. Но я здесь. И я не уйду».

Он закрыл глаза. Сон не шёл. Он лежал и слушал, как воет ветер за окном, как скрипят половицы, как где-то далеко — в замке — кто-то ходит.

Он думал: «Завтра. Завтра я что-то сделаю. Что-то. Что угодно».

Он думал: «Ладно. Начнём».

И встал.

XI

Утро началось с шагов. Сверху. Быстрых. Алекс открыл глаза — над ним стояла Арья. Бледная. Взволнованная.

— Том! — крикнула она. — Том, вставай! Там... там люди Мизинца. Они обыскивают замок. Они ищут тебя. И Джона. И... и меня.

Алекс вскочил. Сердце колотилось. Руки дрожали.

— Что? — прошептал он. — Как?

— Я не знаю! — Арья была на грани слёз. — Кто-то... кто-то их предупредил. Может быть, Холден. Может быть, кто-то ещё. Они знают, что мы вернулись. Они знают, что мы здесь. Они...

Она замолчала. Сверху — шаги. Ближе. Громче.

— Том... — Арья смотрела на него. В её глазах — страх. И решимость. — Что нам делать?

Алекс смотрел на неё. На девочку, которая верила в него. Которая рисковала всем. Ради него.

Он думал: «Я не могу сдать. Не сейчас. Не после всего».

Он встал. Медленно. Осторожно.

— Мы уходим, — сказал он. — Сейчас. Через задний ход. Через лес. Куда угодно. Подальше отсюда.

Арья кивнула. Взяла его за руку. И они побежали.

Через тёмные коридоры. Через узкие проходы. Через двор — тихо, осторожно, как тени. Они бежали, и снег падал с неба, и где-то — далеко — кричали люди. Люди Мизинца. Люди, которые искали их.

Они добрались до задних ворот. Арья знала, где они. Знала, как их открыть. Они выскользнули наружу — в лес, в снег, в темноту, — и побежали.

Алекс не знал, куда они бегут. Просто бежал. За Арьей. За надеждой. За жизнью.

Он думал: «Я провалился. Опять. Я всё испортил. Но я не сдался. Я не сдался».

Он думал: «Слова бесполезны. Нужны доказательства. Или действия. Что-то, что изменит всё. Не так, как я планировал. Не так, как я хотел. Но — изменит».

Он думал: «Я найду. Я найду что-то. Или создам. Что-то, что спасёт Неда. Что-то, что спасёт всех».

Он бежал. И снег падал с неба. И лес был тёмным. И где-то — далеко — Нед Старк ехал в Королевскую Гавань, не зная, что мальчишка с кухни только что поклялся его спасти. Не словами. Действиями.

ХII

Они остановились в лесу. В чаще. Где деревья были густыми, а снег — глубоким. Где их не могли найти. Пока.

Алекс сел на поваленное дерево. Дышал тяжело. Сердце колотилось. Ноги дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.